М.В. Бахтин, П.Б. Клевцов

ВВЕДЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ

Москва
Издательство Московского
института духовной культуры

2006

ББК 86.37 + 87.216
Б 30
К 37

ISBN 5-86456-031-6

Бахтин М.В., Клевцов П.Б.
Введение в православное богословие.– М.: Московский институт духовной культуры, 2006. – 120 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Клевцов П.Б.)……...4
1. Религиозная потребность человека и современный мир..4
2. Почему мы выбираем православие……..……10

Глава I. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХРИСТИАНСТВА С ВЕТХОЗАВЕТНОЙ И ЯЗЫЧЕСКИМИ РЕЛИГИЯМИ (Бахтин М.В.)…..…..19
1. Исторические типы религиозной веры…….19
2. Сущность христианства и его связь с ветхозаветной религией……..……...37
3. Необходимость и основание религиозного знания в христианстве……41
4. Богодухновенность Священного Писания.……....49

Глава II. УЧЕНИЕ О БОГЕ (Клевцов П.Б.)…….55
1. Догмат о Святой Троице……55
2. Догмат о творении…….59

Глава III. ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ (Бахтин М.В., Клевцов П.Б.)…….67
1. Человек — образ Божий…..……..67
2. Особенности христианской антропологии……..74
3. Содержание христианской жизни и цель бытия человека……...77
4. Грехопадение и его последствия……..84

Глава IV. ЭККЛЕЗИАЛОГИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ (Клевцов П.Б.)…….....91
1. Ветхозаветная Церковь и обетование Пришествия Спасителя…….91
2. Христианская Церковь……..94
3. «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь»…….100

БИБЛИОГРАФИЯ……...104

ВВЕДЕНИЕ

1. Религиозная потребность человека и современный мир

Вот как западный философ-экзистенциалист ***Альбер Камю*** описывает типичную духовную ситуацию современного человека: «Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед; трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме — вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос "зачем?"» (Камю А. Миф и о Сизифе; Бунтарь. – Минск: «Попурри», 2000 – 544 с. С.25-26). Вопрос «зачем?», вопрос о смысле жизни оказывается в центре духовной жизни человека, когда бы он ни жил — в XXI веке или в XXI веке до Рождества Христова. От этого вопроса можно убежать, наполнив свою жизнь более или менее содержательной суетой — удовольствиями, карьерой, властью, женщинами, наукой и т.д. Но можно встать к нему лицом, признать его наличие и даже ответить на него.

Религия и есть такой ответ. Этот ответ подразумевает выход за пределы обыденного, обычного, универсального опыта. Религия появляется там, где человек верит в «невозможное», в то, что окружающие считают «полным бредом», в то, во что большая часть человечества со своим «здравым смыслом» не верит и, возможно, не поверит никогда. Однако именно вера и только вера дает полный ответ на духовную потребность человека в обретении смысла жизни, истинной жизни. Христос говорит: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся». И эта правда — Сам Бог. Бог есть Правда, Истина, а мир и человек – в силу своей греховности (хотя и неизначальной) — есть «неправда» («Не надейтесь на князи, на сыны человеческия — в них же нет спасения»). И человеку вполне естественно стремиться из неправды к Правде, из неистинной лживой жизни к истинной, настоящей.

Отличие религии от науки, философии и массовой культуры

Ничто другое, кроме веры, не может дать ответ на эту духовную потребность человека. История мировой культуры показывает, что попытки заменить религию какими-то искусственными культурными продуктами или не приводили ни к какому серьезному успеху, или, если приводили, то этот успех означал глубокую духовную деградацию человека. Пожалуй, сегодня можно назвать три основных таких «заменителя» — это **наука, философия и массовая культура**.

Как показала история XX в., **наука** не заменила религию, по крайней мере, для значительной части общества в Европе и России. Сегодня амбиции науки стали намного ниже. В «просвещенных кругах» в XVIII, XIX веках считалось, что религия «естественным образом» отомрет, оставив место науке. Но вот западная цивилизация проживает уже не первое столетие техногенной эры, а религия «все» не отмирает, хотя, конечно, она и не занимает позиций, аналогичных средневековым. Страсти вокруг науки и прогресса улеглись, и сейчас мы ясно видим, что наука сама по себе не противоположна религии, так как она изучает внешний, окружающий нас мир и не может выйти за пределы ограниченного обыденного опыта. А если она и выходит, — например, задаваясь вопросом о происхождении Вселенной — то исключительно в форме гипотез (причем некоторые из них могут даже согласовываться с христианским учением о сотворении мира).

Другое дело, что науку могут идеологически направлять против религии, как это было, например, в СССР и, в значительной степени, остается на Западе (последний по времени пример — клонирование). Наука вошла в духовный обиход человека современного именно в качестве «духовной пищи», а не просто в качестве средства для оптимизации материальной культуры. Однако заметим, что нет ничего более жалкого, чем человек, духовно центрированный на науке и технологиях. По признанию одного из идеологов и практиков современной цивилизации Джорджа Сороса, Запад слишком мало обращает внимания на цели и слишком много — на средства. Так вот наука — это средство. Когда Гагарин полетел в космос, это многими воспринималось как «новая эра в истории человечества». Но где

же эта новая эра? что она нам, собственно, дала? Ничего, кроме более или менее периодических сообщений в СМИ об очередном «запуске», «аварии», «стыковке», «выходе» и т.д. Единственный реальный, на сегодняшний момент, аспект космоса — это безопасность, защита от нападений из космоса, но если бы человек не «пошел» в космос, то этой проблемы тоже не было бы. Объяснение всей этой космической эйфории — уже прошедшей — в том, что безрелигиозный человек заполнил свою пустую душу каким-то — первым, попавшимся под руку, — содержанием. Но где это содержание сейчас? А содержание религии — и сегодня актуально. У современного человека есть все — дом, машина, бытовая техника, телевизор, но он не знает, зачем он живет. А это значит, что у него нет ничего.

Второй «заменитель» — **философия**. Об этом «заменителе» можно было бы и не говорить, потому что философия, в сущности, **выпала** из структуры современной культуры. Кто знает сегодня о философии? Только ограниченный круг гуманитарной интеллигенции. Для большей части технической интеллигенции, а уж тем более для неинтеллигенции философия — это исключительно дело прошлое. Философия — это Платон, Кант, Гегель. Имена Хайдеггера, Делеза, Дерриды знают очень немногие. Философия, скажем честно, оказалась ненужной современности. Уже в XX веке она попадает под мощнейшее давление тоталитарных режимов. Однако настоящая опасность философию подстерегала совсем с другой стороны — со стороны Запада, либерализма. И опасность эта заключалась в том, что тип современного человека подразумевает достаточно низкий духовно-интеллектуальный уровень. Сфера, где проявляется интеллект, творчество — это технологии, бизнес и т.д. Мировоззренческие же проблемы отодвинуты на второй план. Подчеркнем, не отданы на решение каждого конкретного человека, — как заявляют либералы, — а именно отодвинуты на второй план. Специальными политическими, социальными, экономическими мерами создается условия для доминации определенного типа человека, типа, в котором мировоззренческая потребность в Правде атрофируется. Поэтому абсолютно неудивительно, что философия оказывается не у дел.

Кроме этого, даже если бы современность пошла другим путем, и философию действительно пытались бы поставить на место религии, все равно ничего бы не вышло. Главная причина здесь в том, что религия — это ортопраксия, то есть мировоззрение + религиозная практика (исполнение заповедей, культ и т.д.). Тогда как философия — это только мысль, интеллектуальные конструкции. Пример советского государства здесь весьма показателен. Марксизм, несмотря на грандиозные усилия государственной машины, так и не стал реальным глубинным мировоззрением советского человека. В центр его духовной жизни встали, скорее, чисто политические идеи (идеи построения социализма в одной стране, коммунизма, Октябрьской революции и т.д.), но не философские (марксистские) — о тождестве бытия и материи, о нескольких формах развития материи и т.д. Поэтому большая часть советского общества в 1937 г. верила в Бога (опрос во время всесоюзной переписи населения), а крах идеологической системы в 1990-х гг. стал естественным.

Заметим, что и в чисто содержательном плане философия далеко не всегда вырабатывала адекватные учения. Здесь можно вспомнить и отрицание свободы воли человека (Бруно, Спиноза, Гегель, Шопенгауэр, Ницше, Маркс), и отрицание Бога (Фейрбах, Ницше, Маркс, Фрейд, Деррида, Делез). Оба эти момента абсолютно лишают человеческую жизнь смысла и таким образом не отвечают на потребность человека в Правде.

Третий «заменитель» религии в современной цивилизации — **массовая культура** (МК). Вот здесь, действительно, надо признать, современности удалось достичь значительного успеха. Однако это — успех за счет человеческой души. В конце концов, наука и (особенно) философия — это дело элиты, и часть духовной жизни избранных, а не всего общества в целом. Тогда как МК — это, во-первых, по определению, часть духовной жизни всего общества (кстати, в том числе и элиты), а, во-вторых, в отличие от науки и философия, МК имеет прямой выход на реальное поведение человека. Человек, который смотрит телевизор, по крайней мере, в течение половины своего досуга — это человек, который воспроизводит навязываемые через телевизор ценности. Нужно признать, что сегодня намного более мощным врагом религии является именно МК, а не наука или

философия. В том числе и потому, что МК далеко не всегда явно антирелигиозна, в отличие от определенной части философов. МК скрыто антирелигиозна и это намного страшнее. Есть люди, которые верят в Бога и православную Церковь, но реально их душевная жизнь поглощена МК. И они даже не догадываются об этом.

МК, по сравнению с наукой и философией, представляет собой более низкую форму духовной деградации человека. Философия, в значительной степени, была (и во многом остается) врагом религии, но она, по крайней мере, предлагала какие-то иллюзорные идеологические замены религии. Наука связана с познавательными потребностями человека и имеет отношение к духовной жизни, потому что, познавая творение Божие, человек, даже если он богоборец, восхищается премудростью устроения этих творений. Тогда как МК, удаляя человека от Бога, даже не отсылает его к какой-либо мировоззренческой системе и, конечно, не связана с познанием. МК — это целый особый мир, внутри которого человек существует посредством различных технологий — TV, Интернета, магнитофона, газет. Однако необходимым условием существования в нем человека является забвение им вопроса о смысле жизни и серьезного ответа на него, забвение души. Как только этот вопрос появляется и становится предметом активного духовного поиска человека, МК как бы уходит для него на задний план. Внутренние — и очень жесткие — правила игры в МК таковы, что вопрос о смысле жизни здесь разрешен быть не может. Все, что угодно — секс, наркотики, (не)разделенная любовь, карьера, криминал («блатняк»), политика — но не душа человека. В этом отношении весьма показательно, что смерть — важнейший фактор духовной жизни человека – появляется внутри МК исключительно во внешней, «банализированной» форме — в рубриках «криминал», «детектив», «триллер» и т.д. Смерть не появляется в МК как возможность «оттенить» бег существования и задуматься над ним. Сталкиваясь в рамках МК со смертью (ее изображением), фактически, ежечасно, современный человек поразительным образом проходит мимо нее, мимо того факта, что сам он может умереть в любую секунду. Но что его ждет после смерти? Не упустил ли он возможность подумать и понять, что есть его

жизнь перед лицом смерти, то есть, что есть его настоящая жизнь? Эта возможность связана только с религией.

Идеологи атеизма постоянно ставят религии в вину то, что она якобы «спекулирует» на страхе человека перед смертью. Но это ложь. Большая часть западного человечества, хотя и боится смерти, но достаточно удачно убегает от своего страха в МК. Большая часть людей в современном обществе о смерти вообще не задумываются. Боятся ее (мы имеем в виду постоянно о ней думают) только невротики, которые «выбрали» из множества страхов этот страх. Поэтому религии, в этом отношении, почти не на чем «спекулировать». Но вот с чем серьезно связана религия — так это с «той» жизнью, которая наступит после гроба. Сводить отношение человека к той жизни только к страху — неверно и глупо. Это отношение намного богаче. «Та» жизнь — великая тайна, которая намного глубже, чем тайна нашей «этой» жизни. Она стоит перед нами как великая тишина, которая «вбирает» в себя нашу жизнь как море вбирает капельку. Адекватно описать «ту» жизнь на нашем языке невозможно. Тем не менее, религия дает нам возможность «выхода» к «той» жизни, «выхода» к вечности. И именно из-за этой возможности огромное количество людей оставляют все временное, здешнее и все свои силы отдают на взыскание вечного, «тамошнего».

2. Почему мы выбираем православие

В то же время, религия религии рознь. Далеко не всякое религиозное учение позволяет человеку «взойти на небо», а некоторые из них не позволяют ему даже остаться просто приличным человеком. Мы рассмотрим различные религиозные учения как бы поднимаясь по концентрическим кругам — **«немонотезим»**, **монотеизм**, **христианство**, **православие**, — обращая внимание на наиболее крупные религиозные традиции.

Итак, **«немонотеизм»**, то есть пантеизм — «всебожие», политеизм — «многобожие» и др. учения. Безусловно, политеизм — наиболее примитивная религиозная традиция, потому что в ней уж слишком очевидно — очевидно даже для ее собственных последователей — проявляется смешение божественного с человеческим, низведение первого ко второму. Не будем забывать, что, например, ставшая для нас исключительно культурным символом фигура бога Крона, который оскопил своего отца и поедал своих детей, — была для древних греков именно одной из фигур обязательного религиозного поклонения. Здесь можно вспомнить и другие крупные политеистические религии, — например, индуизм, одним из божеств которого является гигантская обезьяна. Неудивительно, что уже внутри самих политеистических религий появляется очень серьезное сомнение в том, что они действительно представляют собой «мост на небо». В сущности, вся античная философия — это попытка достичь каких-то более глубоких метафизических постижений, чем обычная религия греков. В этой связи, в высшей степени непонятной представляется некоторая мода на язычество, которое имеет место в Европе и России в последнее время.

Нам, конечно, могут возразить, что нельзя сводить, например, индуизм к примитивизму язычества, потому что в нем были религиозные глубины, была попытка осознания бессмертия человеческой души и т.д. Не говоря уже о том, что буддизм, хотя доктринально и отгораживается от любой метафизической концепции, находится внутри индуистской религии, поддерживает веру в Браму — индуистское божество, и т.д. Мы можем признать, что, действительно, попытка выйти на какие-то

религиозно-метафизические глубины, встать выше примитивности язычества в индуизме и буддизме была — другое дело, что это была именно попытка (это же относится и к античной философии). Во-первых, неприемлемо то, что эта метафизическая тенденция вполне уживалась с языческой. Это значит, что глубокая духовная потребность человека не была «отвоевана» здесь до конца. Во-вторых, что касается буддизма, то как раз сознательный отказ Будды от ответа на вопрос о том, бессмертна ли душа, как произошел мир и т.д., представляется слабостью этой религии. Монотеизм дает ответы на эти вопросы. В-третьих, эскапистская концепция Будды — жизнь есть страдание, от которого нам нужно избавится, растворившись в небытии «нирваны» — вызывает вопрос о том, почему мир таков, что жизнь в нем есть страдание? И зачем он вообще появился, если от жизни в нем нужно избавляться? Будда на эти вопросы ответа не дает, «мудро» призывая не задумываться над ними, а погрузиться в соответствующую практику. А вот христианство дает на них ответы, и связывает спасение человека не с бегством из жизни, а с бегством от греха, что совсем не одно и то же. Наконец, и это относится и к индуизму, и к буддизму, смущает полное неприятие этими религиями представления о личности. Личность человека для них — это такая вещь, от которой необходимо избавиться, слившись с Брахманом (индуизм) или впав в нирвану (буддизм). Проблема, однако, в том, что здесь, опять-таки, появляется вопрос — зачем же тогда личность вообще существует? Что это за «злой бог», который создает существа, изначально несовершенные, которым нужно предпринимать серьезные усилия для «восхождения на небо»?

Поднимаясь на следующую ступень — **монотеизм** (мы имеем в виду монотеизм древних евреев до Христа) — мы обнаруживаем, что, по сравнению с предыдущими религиями, здесь все проще, яснее и метафизически компетентнее (сразу заметим, что соотношение между «ступенями» не является хронологическим; монотеизм, с нашей точки зрения, есть первичная религиозная традиция, которая у некоторых народов позднее была смешена с языческими верованиями. Здесь весьма показателен пример африканского племени зулу — древнего народа, существующего до сих пор. Их религия является языческой, но все равно у них сохранилось представление о

«Небесном Отце», своего рода, верховном боге). На этой ступени происходит встреча человека с Богом как двух личностей. В политеизме не было Бога, были божки, такие же страстные, как люди. В пантеизме (индуизм) был Бог (впрочем, неличный), но места для человека не осталось вообще. И только в монотеизме Бог-личность и человек-личность «выходят» друг на друга. Вся история Ветхого Завета — а эта книга почитается, хотя и по-разному, во всех трех монотеистических религиях, христианстве, иудаизме и исламе — это история постоянного диалога Бога и человека. Диалога подчас очень непростого, — потому что человек, как правило, оказывался неверным своему Богу, в отличие от Него. Бог всегда был верен человеку. Только здесь, с ветхозаветной религии, и начинается настоящая религиозная история, потому что раньше религиозные импульсы человека были слепыми — он как бы «мазал», попадая то в божков, то в полное отрицание человеческой личности. В политеизме человек выдавал свои страсти за божественные проявления, в пантеизме отрекался от человеческого вообще, но в монотеизме человек выходит к истинному Богу и пытается преобразить свои чувства, «поднять» их до высшего уровня. Фигура св. пророка Моисея чрезвычайно характерна для ветхозаветной религии — Моисей восходил на Синайскую гору к Богу. Восхождение человека на небесную гору — вот символ истинной религии.

Впрочем, только христианство верно продолжило ветхозаветный импульс, приняв за обетованного пророками Мессию распятого иудеями «маргинала» Иисуса Христа. **Иудаизм** окончательно превратился в законническую религию, в чем обличал иудеев еще Сам Христос («берегитесь закваски фарисейской и саддукейской»). Для того чтобы в этом убедиться достаточно ознакомится, например, с теми специальностями, которые готовят в иудейских духовных учебных заведениях — это специалист по разделке кошерного мяса, специалист по совершению обрезания и т.д. Иудеи превратили религию в свод бесчисленных правил, о выполнении которых только и заботится верующий человек. Например, правоверный иудей должен иметь две раковины, отдельную посуду и ножи для готовки кошерной — то есть ритуально чистой — и некошерной пищи. Иудей не имеет права находиться в одной комнате с замужней женщиной, если в этой комнате кроме их двоих больше никого нет (в

качестве возможного выхода из ситуации предписывается хотя бы открыть окно), не имеет права идти сзади за замужней женщиной (он должен перейти на другую сторону улицы). Жена-иудейка не имеет права отказать мужу в супружеском общении, если тот вернулся из путешествия. В этой связи, примечателен случай, когда иудея уволили с работы в отеле за то, что он включил электрический свет в субботу, так как, по закону, зажигать свет в субботу нельзя.

Кроме этого, иудеи утратили чистоту монотеистического учения. В средние века внутри этой традиции стал развиваться каббализм — мистическое учение, пронизанное пантеистическими мотивами.

Весьма показательна также реакция иудаизма на Холокост — это, прежде всего, шок и ропот на Бога. В иудейской теологии была выдвинута идея «смерти Бога», оставления Богом евреев. Иудаизм, не верящий в жизнь души после смерти тела, очень тяжело перенес массовое уничтожение евреев в начале XX веке. Если гонения и убийства христиан в свое время стали наиболее духовно мощным периодом истории Церкви, то аналогичные действия в отношении евреев были восприняты иудеями как измена Бога данным обетованиям. Бог оказался «слишком широким» для иудеев и они хотели бы Его «сузить». А христиане вместили всю полноту воли Божьей. Иудеи также начали целую политическую компанию по увековечиванию памяти погибших в ходе Холокоста, компанию нарочитую и далеко не всегда оправданную. Все это непредставимо в христианстве, где мученики сами искали мученичества, ублажали своих гонителей, уговаривали их побыстрее начать казнь или пытку.

Ислам, так же как иудаизм, представляется своеобразной попыткой «задержать историю», которая в христианстве открывает полноту возможности общения человека с Богом – «Я в тебе, а ты во Мне». Задержать на отходящем в прошлое ветхозаветном этапе с его внешними отношениями между Богом и человеком, законничеством. Христианство обращает человека внутрь — к его душе, к покаянному осознанию страстей и избавлению от них. Ислам, главным образом, обращает человека во вне, — считается, что по-мусульмански понимаемое единобожие должно быть распространено как можно быстрее и как можно эффективнее. Жаль только, что, почитая Новый Завет

(не говоря уже о Ветхом), как одну из священных книг, ислам не замечает, что «пророк Иса» — Иисус Христос — называет себя «Сыном Благословенного», Сыном Бога, а не просто пророком.

Человек в исламе, несмотря на то, что эта религия является монотеистической, а значит, разделяет идею творения мира и человека Богом, слишком часто выступает как средство, а не как цель. Христос говорит о том, что Он стоит и стучит в дверь сердца человека, ожидая, не откроют ли Ему. Ислам же не стучит — он вламывается без спроса, будучи убежденным в том, что имеет на это право. Отсюда и грабеж как одно из средств существования Мухаммеда, и «малый джихад» — война за веру и многое другое. Между тем, «Бог есть любовь» и, как сказал Христос, по тому, что вы любите друг друга, узнают вас, что вы Мои ученики. Можно сказать, что истинная религия там, где есть истинная любовь, и не только между членами общины, но и к любому человеку вообще. Бог не там, где во имя Его взрывается больше бомб, а там, где есть любовь, которая «крепка как смерть». Взорвать себя и «вот этого неверного», в определенном смысле, легко, а полюбить человека, преодолеть свой эгоизм — трудно. Своими бесконечными бомбами мусульмане не доказывают верность Богу, а профанирует веру в Него.

Только **христианство** увидело во Христе не «богохульника» (иудаизм), не «простого пророка» (ислам), а именно Бога и человека. Открылось, что Бог — не равнодушное Существо, которому нет дела до спасения человека из бездны небытия, а Существо, которое отдает ради этого спасения самое дорогое, что у него есть — «Сына Своего Возлюбленного». Христос Своим подвигом совершает дело спасения человека от власти диавола. И главный видимый итог дела Христа — это Его Воскресение из мертвых. В нем окончательно проясняется, что человек принципиально изъят из рук смерти, греха, последствий грехопадения. С Воскресения начинается проповедь учеников Христа, которые посредством многократных явлений им Самого Христа удостоверились, что оно действительно произошло и уже не смогли удержать в себе эту благую весть, разнося ее по всему миру. Одно из наиболее часто приводимых доказательств истины Воскресения — то, что ученики были готовы умереть за эту весть. Ведь если бы они выдумали Воскресение, — как

утверждали иудеи — то они бы не стали умирать, да еще с радостью, за свои выдумки. К этому можно добавить и то, что ученики были блаженны, ибо видели — воскресшего Господа, — но еще более блаженны были ученики учеников, ибо они не видели, но с такой же радостью умирали за истину христианства. Это было особое время, когда «не советовались с плотью и кровью» — это слова апостола Павла, который говорит о том, что его благовестие основано на явлении ему Спасителя, и он не особенно задерживался в Иерусалиме у учеников Христа — Петра и других — потому что не очень нуждался в этом – в совете плоти и крови. Христианство отрывает человека от плоти и крови (о чем так сокрушался В.В. Розанов), но человеческая душа сама этого хочет — даже в современных хиппи, «коммунах», экологических поселениях можно видеть превращенную тягу к уходу из мира (кстати, один из московских клириков иеромонах Сергий (Рыбко) — бывший хиппи и утверждает, что многие бывшие хиппи становятся монахами). Душа хочет свободы и только Христос — Путь и Истина и Жизнь — дает эту свободу от греха. Христос берет человека с собой на небо и теперь только от последнего зависит, — ответить ли на зов Бога, пустить ли этого «Странника» в свое сердце.

Итак, нам остался последний «круг» — выяснить, почему же среди христианских конфессий мы выбираем именно **православие**, а не, скажем, католицизм или протестантизм, или вообще можно быть «внеконфессиональным христианином»? Конечно, и само разделение смущает, — не свидетельствует ли оно о слабости христианства и не нужно ли, прежде всего, стремиться к объединению всех христиан?

Православие выбирают потому, что именно в нем человек имеет возможность «выйти на Христа», Который никем не заслоняется. В католицизме Его заслоняет папа, считающийся «Викарием» Христа, существом, выполняющим посредническую миссию между Христом и грешным родом человеческим. Православие же — в согласии со всей церковной традицией, которая принималась и Римом до 1054 г. — исповедует, что нет такого человека, — даже если он епископ — который бы мог претендовать на такое сугубое посредничество, на «непогрешимость», пусть даже и только «на кафедре». Глава

Церкви есть Христос и никто не имеет права Его подменять. Здесь вспоминается характерный для православия эпизод из русской истории, когда прибывшие из западно-украинских областей, отошедших к Польше, православные миряне просят восточно-украинского епископа поставить им очередного священника. Епископ отказывается, потому что всех поставленных до этого пресвитеров поляки убивали. Тогда миряне заявляют Владыке — просим тебя перед лицом Страшного Суда. Епископ соглашается. Вот это и есть православие. Другой пример — знаменитое правило о том, что для совершения литургии необходимо присутствие, помимо совершителя священника или епископа, хотя бы еще одного человека. Это тоже свидетельство именно служебной роли иерархии, хотя это служение — наиболее высокое в нашем мире. Заметим, кстати, что в католицизме этого правила нет.

Что же касается протестантизма, то в нем это «слишком человеческое» становится намного более значительным и абсолютно очевидным даже для многих протестантов. Ужас протестантизма в том, что Церковь понимается в нем как исключительно человеческое сообщество верующих, а не как Тело Христово — как в православии. По этой причине протестанты постоянно обосновывают новые церкви — и им все мало, потому что все эти церкви – ненастоящие, человеческие, и они сами это чувствуют. Поэтому и вопрос объединения для протестантов оказывается очень простым — надо объединиться всем этим человеческим сообществам. А для православия этот вопрос совсем не прост, — потому что здесь осознается, что Церковь — «богочеловеческий» организм и «играть» им нельзя. В то же время, Церковь всегда открыта для всех, готовых войти в нее. Закономерной для протестантов является и мысль о том, что когда все церкви объединятся, тогда и наступит настоящая эпоха торжества христианства. Здесь есть исключительно светский, мирской утопизм, мечтательный образ «всего человечества», которое ничем не разделено (можно вспомнить и коммунизм, и современные глобализаторские усилия либерализма). Протестантам не дано качественное, а не количественное понимание Церкви. По слову одного благочестивого монаха, где любовь — там и Церковь. На литургии могут находиться два человека, но с ними будет Бог. А на протестантской службе

может находиться миллион человек и Бога с ними не будет. Христос сказал, — дерзай, малое стадо, ибо Отец благоволил дать вам Царство. Много званых, но мало избранных. Много христианских конфессий, но не все они содержат полноту христианской истины.

Епископ Каллист (Уэр) — виднейший современный православный богослов, англичанин по национальности, — обратился в Православие из англиканства, фактически, протестантской деноминации (хотя и наиболее консервативной). Его выбор между протестантизмом, — в котором он вырос — католицизмом, — который был ему хорошо знаком — и православием был особенно острым выбором. Он пишет: «Еще более беспокоило меня существование в англиканстве «либерального» крыла, которое высказывало сомнения в Божестве Христа, Его девственном рождении, чудесах и телесном Воскресении… Для моего собственного спасения мне необходимо принадлежать Церкви, которая твердо и непоколебимо верует в основополагающие христианские истины о Троице и Личности Христа. Где бы мне найти такую Церковь? Увы, не в англиканстве!». Католицизм Владыка отверг из-за догмата о папстве. И только в православной Церкви он увидел истинного хранителя неискаженного христианского Предания.

Итак, мы проделали (семимильными шагами) довольно большой путь — от духовности человека безрелигиозного до четкого выбора среди религий именно православия.[1] Безусловно, изложенные аргументы не являются математическим доказательством, которое с абсолютной необходимостью должно привести всех прочитавших его к православию. Это не доказательство, а, скорее, просто демонстрация духовно-интеллектуальных причин, по которым мы считаем Православную Церковь Святой, Соборной, Апостольской, — то есть истинной, дающей нам возможность жить истинной жизнью. И наши аргументы — только половина дела. Вторая половина — личная воля каждого человека, его духовный выбор, его особый, ведомый и судимый только Богом, духовный путь. Иногда вместо тысячи, пусть и правильных, слов человеку нужна только одна

[1] Далее в тексте, употребляя понятие христианство, мы будем иметь в виду православие.

реальная встреча — со святым, с иконой, с храмом, которая явит ему Самого Христа (а иногда и с Самим Христом, как это было с апостолом Павлом). Так было, кстати, и с тем же епископом Каллистом, который начинает свое повествование о приходе в православие не с того, что он читал о нем, а с того, как он однажды зашел в православную церковь на службу и был поражен этим присутствием «неба на земле». Именно с этого началось его обращение.

Глава I. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХРИСТИАНСТВА С ВЕТХОЗАВЕТНОЙ И ЯЗЫЧЕСКИМИ РЕЛИГИЯМИ

1. Исторические типы религиозной веры

Монотеизм

Монотеизм (с греч. Μονοζ — один, Θεοζ — Бог), единобожие есть разновидность теизма. С догматической и исторической точек зрения монотеизм является высшим, наиболее совершенным вариантом теизма.

Исторически первой монотеистической религией стала религия Ветхого Завета. Отличительная его особенность — понимание Бога как Единицы. Итак, самым существенным моментом монотеизма является единоначалие, которое можно осознать, по крайней мере, в двух аспектах:

Во-первых, под единоначалием можно понимать то, что Бог есть единое и единственное начало мира в том смысле, что Он, и только Он один, без чьей-либо помощи, не прибегая ни к каким средствам и материалам, создает мир.

Во-вторых, в термине «единоначалие» звучит и мотив единоличного правления миром. И хотя однажды Христос и назвал сатану «князем мира сего»; всё же в метафизическом смысле именно Бог, и только Он является Верховным Господином мироздания, стратегически промышляющем о его метаисторической судьбе.

Другим принципиальным моментом монотеизма является понимание Бога как Личности. Язычество не знало личностного

Бога и, как следствие, понимание человека, скажем, в античности, не носило личностной окраски. По мысли многих древнегреческих философов, над бесчисленными богами Эллады господствует «Необходимость» — высший мир красоты и безличного бытия.

Напротив, Бог Библии — это всегда Личность, личностный Абсолют, к которому мы, по меткому замечанию выдающегося русского богослова XX века В.Н. Лосского, обращаемся на «Ты» в молитве. Православная традиция утверждает, что уже первым людям Бог дал чистое, адекватное представление о Себе Самом, однако в Ветхом Завете знание о Божественной Природе было дано человеку лишь прикровенно. Лишь в новозаветные времена Бог с полной ясностью открыл Себя человеку уже как Троица, а не Единица.

В сущности, перед нами центральное отличие нового, христианского монотеизма от монотеизма ветхозаветного, напрямую породившее единобожие иудаизма. Вера во Святую Троицу — это тот краеугольный камень, который отличает христианство от других монотеистических религий: иудаизма и ислама.

Новозаветное понимание Бога уже как Триединого начала, безусловно, напрямую связано с Домостроительством Божиим, с Его воплощением и осуществлением Своей величайшей миссии. Бог-Сын является в мир и напрямую открывается человеку. То же можно сказать и о Святом Духе, всецело участвующем и со-работничествующем Христу в деле спасения человеческого рода.

Следующая важная черта монотеизма состоит в характере онтологического соотношения Бога и тварного мира. Православная традиция утверждает, что Бог одновременно и трансцендентен и имманентен миру.

Первое отношение определяется Его сущностью, Которая запредельна миру и не доступна человеку. В данном отношении подчеркивается качественное различие двух природ: Божественной и тварной. Именно эта принципиально важная особенность христианского монотеизма отличает его от всего разнообразия дуалистических, пантеистических и прочих учений. Христианский монотеизм устанавливает строгую иерархию бытия: Бог есть Абсолютное Бытие, самобытное и самодостаточное.

Весь тварный мир, как видимый, так и невидимый, находится «рангом ниже», является бытием условным, тварным. Более низкий онтологический статус сотворенного бытия определяется именно тем, что оно создано Богом «*ex nihilo*» («из ничего»).

Второе отношение подчеркивает Божественное присутствие в мире посредством Его энергий, доступных познанию человека. Введение понятия нетварных энергией Божества позволило, возможно, православному богословию устоять от соблазна скатиться на позиции деизма, как это произошло со многими западными религиозными мыслителями. Действительно, как Бог может участвовать в делах мира и человека, если Он не обладает энергиями, связывающими Его с миром и позволяющими преодолеть онтологический разрыв между двумя противоположными природами: Божественной и человеческой?

Главным отличием библейской метафизики от китайской, индийской и греческой является **преодоление дуализма**. Все последние учения являли собой онтологический и, как следствие этого, антропологический и этический дуализм. Правящие миром два равных по своему онтологическому статусу начала: Добро и Зло, Свет и Тьма, Космос и Хаос, Ян и Инь находятся в вечном противоборстве. Человек, как элемент мироздания, также подчинен закону единства и борьбы этих противоположностей, также состоит из двух антагонистических начал, в частности, тела и души. Следовательно, духовный рост, нравственное совершенствование человека рассматривается как преодоление тяжелого, темного, телесного начала.

Библейское Откровение, традиционно разделяемое на естественное или общее (откровение Бога в природе) и сверхъестественное или специальное (Священное Предание и Священное Писание) дает принципиально иное понимание мира и человека. Основой как Ветхого, так и Нового Завета является теологический, онтологический и антропологический **монизм.** Это значит, что изначально в мире существует лишь одна позитивная, добрая сила — Господь Бог, сотворивший все сущее из ничего.

Один из выдающихся умов христианской эпохи, богослов и философ, святой ***Иоанн Дамаскин*** в своем эпохальном труде

«*Точное изложение православной веры»* (середина VIII в.) приводит логическое опровержение дуализма, доказывает невозможность существования двух равных начал. Он пишет: «Добро и зло — враждебны друг другу, и не существуют друг в друге или друг с другом… необходимо, чтобы они или входили в прикосновение и истребляли друг друга, или — чтоб существовало какое-либо среднее место, в котором не будет ни добра, ни зла, как будто бы некая перегородка, разделяющая и то, и другое друг от друга. И будет уже не два начала, но три. Но также необходимо, чтоб было… или то, что они сохраняют мир, чего именно зло не в состоянии делать, ибо не зло — то, что живет в мире; или ведут войну, чего именно добро не может делать, ибо то, что ведет войну, совсем не добро; или — что зло ведет войну, а добро не противоборствует, но уничтожается злом, или всегда печалится и угнетается, что именно не есть признак добра. Итак, одно начало, свободное от всякого зла. Зло же есть не что другое, кроме лишения блага и быстрого перехода от того, что согласно с природой, в то, что - противоестественно; ибо ничто — не зло по природе. Зло — не сущность какая-либо и не свойство сущности, но нечто случайное, то есть, добровольное отступление от того, что согласно с природой…"»[1]

Итак, онтологический монизм, утверждающий изначальное единство бытия, а именно, Абсолютного Бытия, на корню подрывает языческие представления о субстанциальности зла — второго, темного, негативного, согласно языческим верованиям, начала мира. Зло в Библии, в отличие от восточных и античных учений, не обладает самостоятельным онтологическим статусом. Его нет как сущности, оно есть только как существование. Самостоятельной Субстанцией является лишь Добро и Любовь — Господь Бог. Библейское учение о зле наделяет его не субстанциальной, а всего лишь экзистенциальной природой.

Как же в мире появляется зло? Здесь нужно сказать следующее. В отличие от пантеизма, где Бог отождествляется с природой, космосом и, следовательно, зло, присущее миру, может быть приписано и Божеству, **библейский теизм** есть учение о двух различных природах: Божественной и сотворенной. Сотворив ангелов и людей, Господь Бог наделил их

---

[1] Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. - М., 1992. С. 251-252.

свободной волей, предоставив право самостоятельного выбора между добром и злом и лишь предостерег от совершения зла, прямо заявив о его последствиях. Поэтому **зло является категорией не онтологической, а этической.** Господь Бог не творил зла, его избрали красивейший ангел ***Люцифер***, а вслед за ним и человек.

Сотворение Богом мира, ангелов и человека объясняется главной чертой Его характера, открытой нам через св. ап. Иоанна — ***любовью*** и необходимостью произливать ее на мир и человека: *Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь*.[1]

Теологический монизм состоит также в утверждении монотеизма в противовес языческому политеизму. Первая из десяти Моисеевых заповедей посвящена именно этому.

Итак, Бог в Библии, в отличие от всех других учений, понимается как Творец всего сущего, трансцендентный миру, наделенному тварной природой. Важным пунктом для порождения исторического сознания является догмат творения бытия из небытия, из ничего (***ex nihilo***), абсолютно чуждый античности. Сотворение мира из пустоты означает сотворения не только пространства, но и времени. Христианское учение о творении «разрывает» античное колесо истории и превращает его в прямую линию: точка разрыва временного круга неизбежно порождает две временные точки, которыми в христианстве как раз и оказываются точка творения — начала истории и точка Второго пришествия Христа — конца, исполнения земной истории.

Таким образом, время понимается как сотворенная категория, что приводит к парадоксу: «было время, когда не было времени». В точке сотворения вечное (Господь Бог) соприкасается с временным миром, вечность порождает время. Бог пребывает во временном, не растворяясь в нем и не отождествляясь с ним. По мысли ***Шеллинга***, христианство в высшей степени исторично, оно есть откровение Бога в истории.

Итак, мир имеет начало во времени; но, как тварный, тленный объект, он не может быть вечным, ибо вечен один только Бог. Следовательно, неизбежен и конец мира, конец истории. Не случайно первая книга Библии, Бытие, повествует о

[1] 1 Ин. 4:8.

сотворении, начале бытия и человеческой истории, а последняя книга, Апокалипсис — Откровение Иоанна Богослова, пророчествует о конце времен, о конце человеческой истории. Данная теолого-онтологическая предпосылка с неизбежностью порождает представление об однонаправленном историческом процессе, непрерывно влекущем человечество от начала истории к ее концу. Причем конец этот — не просто завершение истории как таковое, это и цель, и смысл истории человечества, находящийся уже по ту сторону земной истории. В этом отношении христианская телеология носит трансцендентный характер. Эсхатологическая и телеологическая направленность и напряженность истории — красная нить христианской линии времени, христианской философии истории.

Онтологический и теологический монизм приводит к историческому монизму. История, понимаемая как временное измерение единого сотворенного сущего, превращается в единую всемирную историю.

Теолого-онтологическая доктрина Библии проявляется и в учении о человеке, антропологии. В сравнении с дуалистическими представлениями Востока и античности, согласно большинству из которых человек наделен той же природой, что и космос, и является его слепком, библейское учение определенно говорит о том, что человек есть образ Божий.

Святой Иоанн Дамаскин комментировал соответствующий текст Священного Писания следующим образом: «…Бог Своими руками творит человека и из видимой, и невидимой природы как по своему образу, так и подобию: тело образовав из земли, душу же, одаренную разумом и умом, дав ему посредством Своего вдуновения, что именно, конечно, мы и называем божественным образом; ибо выражение: «по образу» обозначает разумное и одаренное свободной волею; выражение: «по подобию» обозначает подобие чрез добродетель, насколько это возможно (для человека)».[1]

Библейский догмат о свободе воли лежит в самом основании христианской философии истории. Человек рассматривается как творец своей собственной судьбы и истории в целом. Святой Иоанн Дамаскин преподносит нам прекрасный

---

[1] Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. — М., 1992. С. 79.

образец сопоставления двух различных позиций в отношении человеческой судьбы — языческой астрологической позиции и позиции Священного Писания: «Эллины, конечно, говорят, что через восхождение и захождение, и сближение этих звезд и солнца, и луны устраиваются все наши дела; ибо астрология занимается этим; однако мы утверждаем, что хотя от них и получаются предзнаменования дождя и бездождия, как холода, так и жара, как влажности, так и сухости… но никоим образом не предзнаменования наших дел. Ибо мы, происшедши от Творца одаренными свободною волею, бываем господами наших дел. Ибо, если мы все делаем вследствие течения звезд, то по необходимости совершаем то, что делаем; а то, что происходит по необходимости, ни — добродетель, ни — порок; если же мы не имеем ни добродетели, ни порока, то не — достойны ни похвал, ни наказаний, а также и Бог окажется несправедливым, доставляя одним блага, а другим бедствия. Но Бог даже не будет ни управлять Своими творениями, ни промышлять о них, если все управляется и увлекается необходимостью. Сверх того, и разум будет в нас излишним, ибо мы, не будучи господами никакого дела, излишне обдумываем про себя; но разум дан нам непременно для обсуждения, почему все разумное одарено также и свободною волею… добровольное есть то, чего начало, то есть причина находится в самом (делающем), знающем все в отдельности, чрез посредство чего совершается действие и в чем оно заключается».[1]

Основа свободной воли человека — его разум, еще одно проявление образа Божьего. Только свободный разум в состоянии сделать выбор между добром и злом. О росте свободы по мере приобщения к высшему знанию, Истине, говорится в Евангелии: «*Вы познаете Истину, и Истина сделает вас свободными*». Если же свободная воля эквивалентна знанию, а знание Истины растет по мере приближения к ней, то есть к Богу, то рост духовности, согласно христианской антропологии, должен способствовать повышению познавательных способностей человека и свободной воли субъекта истории.

Второй важнейшей антропологической предпосылкой христианской философии истории является библейской учение о

---

[1] Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. — М., 1992. С. 61, 84.

неповторимости, уникальности человеческого бытия. Это положение христианского богословия прямо вырастает из понимания человека как единого целого. Человек в Библии — скорее не микрокосм, как думали греки, а, выражаясь фигурально, «***микро-Бог***», то есть онтологический статус человека здесь неизмеримо выше, чем в языческих учениях.

Христианство освободило, таким образом, человека от рабства природе, поставив его духовно в центр мироздания. Христианство впервые признало бесконечную ценность человеческой души. Христианство внесло то сознание, что человеческая душа стоит больше, чем все царства мира, потому что «*какая польза приобрести весь мир и потерять душу свою»*. Поскольку же человек отражает в своей сотворенной природе природу и структуру Божества, в нем нет, как учили тому в Китае, Индии или Греции, противоборствующих начал в онтологическом смысле, как нет их и в Боге. Подобно тому, как Святая Троица представляет собой единство трех ипостасей — Отца, Сына и Святого Духа, человек являет собой единство трех равнозначных между собой составных частей — тела, души и духа.

Если в древневосточных и античных антропологических учениях (особенно у Пифагора, Платона и Плотина) душа и тело представляли собой два различные начала, соединенные вместе лишь на некоторое время, а затем снова разлучаемые навечно, то, как известно, христианское учение отвергает саму идею предсуществования души. Тело, душа и дух, по Библии, — не самостоятельные начала. Это — единый человек, которому первое, второе и третье дано раз и навсегда. Человеческая жизнь — это единая и однократная история тела, души и духа от их одновременного сотворения до вхождения в Царство Небесное, или в ад, опять-таки вместе. В Новом Завете прямо сказано о том, что жизнь дается человеку всего один раз: «*…Христос…однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею. И как человекам положено однажды умереть, а потом Суд, Так и Христос, однажды принесши Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение».*[1]

[1] Евреям 9:24 - 28.

Как видно из текста Священного Писания, с учением об однократности, неповторимости человеческого бытия неразрывно связан догмат неповторимости искупительной жертвы Христа. Н.А. Бердяев говорил в этой связи: «Исключительная историчность и динамичность христианства связана прежде всего с тем, что центральный факт христианской истории — явление Христа — есть факт однократный и неповторяемый, а неоднократность и неповторяемость есть основная особенность всего «исторического».[1] Идея однократности, неповторимости человеческой жизни порождает представление о личностной истории, истории отношений между Богом и человеческой душой.

Следует отметить, что сам факт Боговоплощения послужил мощным импульсом возникновения исторического сознания. Во-первых, этот факт означает единственное в мировой истории проникновение вечного во временное, Бога в тварную природу, соединение двух природ (Божественной и человеческой) в одном Лице Христа.

Во-вторых, появлению предпосылок возникновения исторического сознания у еврейского народа способствовала глубочайшая вера в Мессию-Освободителя, которой наполнены пророческие книги Ветхого Завета. Мессианская идея, напряженное ожидание Сына Божия, Спасителя будили в еврейском народе идею линейной устремленности исторического движения в будущее. Отмечая связь мессианской идеи и появления исторического сознания, Н.А. Бердяев говорил: «Идея исторического внесена в мировую историю евреями, и я думаю, что основная миссия еврейского народа была: внести в историю человеческого духа это сознание исторического свершения, в отличие от того круговорота, которым процесс этот представлялся сознанию эллинскому. Для сознания древнееврейского процесс этот всегда мыслился в связи с мессианством, в связи с мессианской идеей».[2]

Впрочем, Сын Божий ожидался иудеями только как Царь-Освободитель (особенно с VII – VI вв. до Р.Х., во времена второго, вавилонского, рабства), способный Своей силой и властью избавить свой избранный народ от унижения и

[1] Бердяев Н. А. Смысл истории. С. 84.

[2] Бердяев Н. А. Смысл истории. С. 22.

истребления. Никакой иной Спаситель не мог быть даже представлен иудейским сознанием в силу общего представления о Боге как Пантократоре, Справедливом Судии и Покровителе. Эта одномерная установка настолько закрепилась за шесть столетий в еврейском народе, что привела к трагедии еврейского народа, к тому, что в конечном итоге еврейский народ не узнал и не признал своего Мессию, Христа, и распял Его.

Другим антропологическим основанием возникновения христианской философии истории явилась **идея единства человечества**. Евреи были единственным древним народом, который возводил свою историю к единому предку — Аврааму, а через него — к Адаму. Более того, это предание, столетиями передававшееся из поколения в поколения, с XV в. до Р.Х., после освобождения из египетского плена было письменно оформлено Моисеем в первых пяти книгах Ветхого Завета. В христианстве идея национального единства иудеев была заменена идеей кровного родства всего человечества. Святой апостол Павел, проповедуя эллинам в Ареопаге, указывал на единство человечества как на одно из важнейших положений христианской веры: «*От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив преопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас…*»[1]

Более того, христианство самим фактом своего существования способствовало распространению идеи единства человечества. Ведь, возникнув на Востоке, в Палестине, христианство становится по преимуществу религией Европы и тем самым объединяет мировой исторический процесс в единое целое. Неся весть о Христе всем народам, уча все народы Слову Божьему, согласно последней заповеди Христа, первые христиане тем самым объединяли представителей разных народов.

Принимая во внимание порождение идеи единства истории христианском сознанием, мы вправе говорить о том, что в христианстве мы впервые сталкиваемся не просто с историей, но с метаисторией, где вся человеческая история от начала до конца рассматривается в контексте отношений Бога и человека.

---

[1] Деяния, 17:26, 27.

Дуализм

Дуализм (от лат. dualis — двойственный) — это философское или религиозное учение, которое признает, что в основании бытия лежат два извечные, равноправные и не сводимые друг к другу начала, — как правило, идеальное и материальное.

Истоки дуализма мы обнаруживаем уже в древневосточной религии и философии. В частности, ярким примером дуализма здесь является древнеиранская религия ***зороастризм***, в которой движение бытия рассматривается как борьба двух враждебных начал — светлого и темного.

Учение о светлом и темном началах бытия лежало также в основе большинства древнекитайских философских школ.

Дуалистические представления были характерны также для многих персидских и сирийских учений. Наконец, классическими примерами восточного дуализма можно считать ряд индийских философских школ, также сформировавшихся в эпоху «осевого времени», такие как йога, буддизм и джайнизм. Правда, здесь говорится не о паритетных, а о неравных началах. Общим местом для всех них является мысль о двойственной природе мира, и, следовательно, человека. Два начала: материя живая («джива») и неживая («аджива») непрестанно борются друг с другом; одной из форм этого противостояния есть борьба бессмертной души со смертным телом. Важно отметить, что в данных учениях прямым следствием дуалистического понимания мира и человека является идея реинкарнации души.

Дальнейшее развитие дуализм получил уже на европейской почве. Как и в Индии, греки учили о неравноправности двух начал. Среди крупнейших дуалистических систем Древней Греции можно назвать учение Пифагора, ученика египетских жрецов и персидских магов, и Платона, у которого идея двойственности бытия обретает самое яркое воплощение. По его мнению, существует извечный и неизменный мир божественных идей, представляющих собой истинное бытие (*ontos on*), а с другой стороны, извечная праматерия, некая бесформенная масса, хаотично перемещающаяся в пространстве (не-сущее, *to me on*). Помимо этого, Платон вводит в свою систему третий элемент бытия, заставляющий взаимодействовать первые два —

это Демиург. В сущности, это есть справедливая попытка преодоления внутренней противоречивости дуализма (хотя она и остается только попыткой): действительно, кто будет контролировать взаимодействие антагонистических начал, судить их, гармонизировать их паритетное взаимоотношение и т.д.? В любом случае, необходим «посредник», стоящий в каком-то смысле выше их. В китайской мысли таким «посредником» стал безличный универсальный принцип DAO, гармонизирующий все движение мироздания и соединение во всех объектах начал Инь и Ян.

У Платона таким посредником является ***Demiurg***. Он возделывает праматерию по образцу вечных идей и тем самым превращает хаос в космос (беспорядочное бытие в упорядоченное), является скульптором видимого мира. По меткому замечанию выдающегося православного богослова XX столетия профессора протоиерея ***Иоанна Мейндофра***, согласно Платону, все существующее существует вечно, а Бог-Демиург ...занимается установлением порядка.

Дуалистическим является также учение ***Филона Александрийского***, предпринявшего попытку синтезировать ветхозаветный монотеизм и античную языческую мысль. Он, в сущности, отождествил платоновского Демиурга с Логосом, которого считал высшим творением Бога, выполняющим функцию посредника в деле создания духовного и видимого мира.

Классический античный дуализм был воспринят также ***гностиками***, стремившимися к своеобразному соединению иудейского богословия, зороастризма с античной философией. Восприняв общее мнение греческого дуализма о том, что материя есть абсолютное зло, они «понизили» онтологический статус Демиурга и превратили его в источник мирового зла и поместили в разряд низших божественных существ, в психологическую сферу. У ***Валентина*** Демиург вовсе понимается как слепая сила, не постигающая в процессе сотворения идей твари. А ***Маркион*** даже представил Демиурга злым Богом Ветхого Завета, в противовес которому говорил о Сыне как о добром Боге Нового Завета, чем разрывал связь между Заветами. Часть гностиков наряду с Божественным началом предполагали вечное существование мрака — материи или хаоса. Существующий мир,

по их учению, является антиподом Бога. Человек же соединяет в себе оба эти антагонистических начала: духовное и материальное. Душа иноприродна этому миру и своему телу. И лишь путем познания, гнозиса человек способен преодолеть свою расщепленность, освободиться из «темницы» тела.

В целом, гностицизм состоит в признании двух онтологических уровней бытия — духовного, высшего и материального, низшего. Духовный мир (плирома) происходит путем эманации от Верховного Высочайшего Духа, а материя, меоническое злое начало, низлежит автономно в отношении к плироме.

В середине III века дуалистическую эстафету из рук гностицизма восприняло ***манихейство***, являвшее собой попытку синтеза христианства и зороастризма. Специфика манихейского дуализма состоит в том, что он признает извечное существование двух царств: царство духа — добра и света и царство материи — зла и мрака. Первое состоит из пяти чистых стихий: огня, воздуха, света, воды и земли; второе – из пяти нечистых: бури, тины, тумана, дыма и бессветного жара. В первом властвует добрый Бог, во втором — злой демон; первого окружают двенадцать истекших из него чистых духовных эонов, второго окружают духи тьмы, которые как между собой, так и со своим властителем пребывают в постоянной вражде. Между двумя этими царствами существует бесконечное противостояние.

Безусловно, дуализм во всех его вариантах обессмысливает человеческую жизнь. Борьба добра и зла в нем воспринимается как постоянная, в этом противостоянии не видят выхода, в итоге, человек лишается надежды на победу добра над злом. Только христианство дает ему эту надежду.

Политеизм

Политеизм характерен как для многих дохристианских языческих религий (древнегреческой, древнеримской, славянской и др.), так и для богословия, например, гностицизма, допускающего существование наряду с Верховным Божеством множество производных, низших божеств — ***эонов***.

Критика политеизма со стороны монотеистической традиции состоит в том, что Всесовершенный Абсолют, которым

только и должен мыслиться Бог, может быть только один. Два или более независимых Абсолютов непременно ограничивали бы друг друга и потому не имели бы необходимых для Истинного Бога свободы и совершенства, то есть не были бы по сути богами. «Многоначалие есть безначалие» и «многобожие есть безбожие», — говорит святой ***Афанасий Великий*** (IV в.).

Внутреннюю противоречивость политеизма прекрасно показал преподобный ***Иоанн Дамаскин*** (VIII в.): «...если допустим многих богов, то необходимо будет признать различие между этими многими. Ибо если между ними нет никакого различия, то уже один (Бог), а не многие; если же между ними есть различие, то где совершенство? Если будет недоставать совершенства или по благости, или по силе, или по премудрости, или по времени, или по месту, то уже не будет и Бога. Тождество же во всем указывает скорее Единого Бога, а не многих… Каким же образом многими управлялся бы мир, и не разрушился бы, и не расстроился бы, когда между управляющими произошла бы война? Потому что различие вводит противоборство. Если же кто скажет, что каждый из них управляет своей частью, то что же ввело такой порядок и сделало между ними раздел? Этот-то, собственно, и был бы Бог. Итак, един есть Бог, совершенный, неописуемый, Творец всего, Содержитель и Правитель, превыше и прежде всякого совершенства».[1]

Необходимо отметить, что политеизм явился исторически преходящей формой религиозных верований. С утверждением христианства многобожие постепенно отживает свой век. Кроме этого, важно понимать, что христианское учение о Святой Троице – это не многобожие, потому что, в соответствии с ним, Бог един по природе и троичен в Лицах. Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой «обладают всеми божескими совершенствами, но этими божескими совершенствами они обладают нераздельно, поэтому они «не три бози, но один Бог».[2]

Пантеизм

Пантеизм (с греч. Παν — все, Θεοζ — Бог) очень долгое время представлял собой исключительно влиятельное

---

[1] Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. 1, Гл. 5, С 163.

[2] Догматическое богословие. Учебное пособие. Под редакцией М.В. Бахтина. — М.: Издательство МГИПКиПК, 2004. С. 55.

религиозно-философское учение. Принципиальное отличие его от всех иных форм теизма состоит в том, что Бог и мир объявляются здесь единой природой. В сущности, оба они как бы растворяются друг в друге и отождествляются друг с другом. В пантеизме отделить Бога от мира можно не органически, а лишь онтологически: мир есть производное бытие по отношению к Богу в том смысле, что он происходит от Него путем эманации.

Исторически пантеизм является очень древней формой религиозных верований. Пантеистические идеи содержатся, например, в древнеиндийских религиях. В частности, в ***брахманизме*** Брахман — это абсолютное, высшее, безличное, духовное начало.

Из него возникает мир во всем его многообразии (проявленное бытие). Вместе с тем, все, что есть в мире, разрушается, растворяясь в Брахмане. Иначе говоря, Брахман имеет два образа бытия: невоплощенное и бессмертное — безличное духовное начало и воплощенное и смертное — мир и человек. Поэтому в индуизме, и веданте, например, высшей ступенью развития индивидуального человеческого сознания является осознание тождественности человека, мира и Брахмана, осознание того, что «Я есть Брахман».

Ряд исследователей обнаруживают пантеистические мотивы и в учении знаменитого греческого философа V в. до Р.Х. ***Анаксагора***, высмеивающего традиционный народный греческий политеизм и выразившего единство небесного и земного мира известным лозунгом «все во всем».

Наиболее ярким проявлением пантеизма на античной почве стал ***неоплатонизм.*** Отец-родоначальник неоплатонизма ***Плотин*** (III в. н.э.) в общем виде сохраняет онтологическую иерархию Платона, увенчивающуюся сверхсущим Единым – Благом. Однако, в отличие от своего предшественника, неоплатоники объявили, что соединение человека с Единым, познание его возможно не рассудком, припоминающем свое «ех – бытие» в лоне Единого, а, наоборот, в состоянии «выхода из разума», в состоянии экстаза.

Онтологическая иерархия неоплатонизма в общей схеме следующая: Единое, от преизбытка своей мощи, как переполненная чаша изливается и порождает нижестоящую иерархию: Ум, с идеями в нем, и Душу, обращенную к Уму и

чувственному космосу, вечному в своем временном бытии. Душа порождает вещи этого мира, взирая на идеи, заключенные в Уме. Единое, ниспадая, все более умаляется. Таким образом, мир, по учению неоплатоников, возникает в результате какой-то таинственной катастрофы, которую можно назвать падением Бога. Соответственно, материя, как и в классическом платонизме, здесь объявляется злом, отрицанием Единого.

Итак, Единое (Бог) путем самоистечения (эманации) рождает единоприродный себе мир. Такое учение получило название ***динамического пантеизма***.

Другой вариант пантеизма, именуемый ***статическим***, ярче других мыслителей сформулировал ***Барух Спиноза***. Иногда это учение называют имманацией: здесь речь идет о том, что мир представляет собой разнообразные проявления во времени и пространстве единой, вечной абсолютной Божественной субстанции. Спиноза сформулировал свое видение мира в лаконичной формуле: «Deus sive natura» («Бог есть природа»).

Отвергая понятие личного Бога-Творца, Спиноза утверждал, что в мире действует время, существуют пространственные отношения, но к Богу, как к Вечному началу, как к Бесконечному источнику бытия, это неприложимо. Чтобы найти Бога, надо отвлечься от времени и пространства — так что если мы, созерцая мир, будем созерцать его, устраняя время, то мы вступаем в сферу Бога. Значит, заключает Спиноза, Бог и мир есть одно и то же, только Бог есть «субстанция» (основа) мира, вневременная и внепространственная, а мир есть то же бытие, только в границах времени и пространства. Бог не есть ни Творец мира, ни даже «душа» мира, он есть тот же мир, только вне времени и пространства.

Наконец, третий вид пантеистических учений рассматривает мир как **саморазвитие некоего Божественного начала** (абсолютная идея Гегеля и т.д.), которая, развиваясь, переходит от низших форм к высшим. Ярким примером в данном случае может служить немецкая классическая философия.

Пантеистические мотивы присутствовали также и в учении ***Льва Толстого***. Так, на место Бога он поставил «разумение жизни», которое есть любовь; религиозная жизнь – это жизнь, благо которой состоит в подавлении в себе «животной личности», «в благе других и в страданиях за это благо».

Живущий так имеет в себе Бога и является «сыном Божиим» так же, как и Христос. Смерть возвращает «сына Божия» в лоно Отца – Бога, в Котором сын и исчезает, как в общей мировой сущности. Одним словом, по Толстому, нет ни личного Бога, ни личного бессмертия, ни, следовательно, реального смысла жизни. Ибо смысл может быть только в жизни, но не в ее исчезновении.

Пантеизм, фактически, профанирует представление о Боге, смешивая абсолютное и относительное, Божественное и тварное. Человек, ищущий Бога, ищет Другого, ищет Существо, принципиально отличное от него и от всего тварного бытия. И не просто отличное – а превосходящее Существо, в Котором нет зла, страданий, имеющих место в земной жизни. А пантеизм, хотя и не признавая этого, не дает ответа на жажду человека. Пантеизм сводит Бога к миру, лишает человека надежды. Молитва пантеиста только внешне – молитва к Абсолюту, а реально – как бы к самому миру, который, естественно, человека спасти не может, ибо и создан не для этого. Справедливо отмечал около столетия назад в этой связи ***Л.М. Лопатин***, что в пантеизме для мысли, по-видимому, представляется один выход: или мир провозгласить призраком и уничтожить его в Боге, или Бога заставить исчезнуть в мир до такой степени, что от Него остается одно имя. К последнему пантеизм практически всегда и приходит.

Еще одно важнейшее свойство пантеизма – отрицание свободы воли человека. Это, конечно, обессмысливает жизнь последнего еще больше. Если человек – это просто «винтик мироздания», то он не является субъектом, творцом, не несет ответственности за свои поступки и т.д. Человек превращается в точку приложения каких-то внешних, пусть и высших, сил.

2. Сущность христианства и его связь с ветхозаветной религией

Все вышеупомянутые и многие другие языческие философские и религиозные системы Древнего Востока и античности так или иначе имели перед собой цель поиска Абсолютной, Божественной истины. Однако, основанная лишь на энергии человеческого разума, эта попытка объяснить тайну

Божества и Его отношения к миру и человеку была лишь призраком действительной истины, или, по образному выражению одного из богословов конца XIX века, скорлупой для действительного зерна, которого и недоставало ей (скорлупе). В вопросе Пилата: «Что есть истина?» есть невольное выражение результата того поиска, который является собой содержание философии древнего мира.[1] Абсолютная истина должна была выйти не из изможденной долгими исканиями силы человеческого духа; она должна была вступить в историю как дело Божие, и выступить в лице Того, Который мог сказать о Себе: «*Я есть Путь и Истина и Жизнь*» (Ин. 4:6). Итак, язычество есть религия ищущая, но ее искание, как известно, привело мир к пессимизму и разочарованию.

С другой стороны, религия ветхозаветная есть религия надежды, которая, как Божественное Откровение, возвышается над религиями языческими, она есть вера в Бога-Творца. Через весь Ветхий Завет проходит веяние Божественного величия, пред которым всякая тварь есть прах и пыль. Высоко над всем сотворенным возвышается Всемогущий, Которого не могут обнять небеса всех небес, для Которого небо есть Его Престол, а земля — подножие ног Его, Который скажет — и делается, повелевает — и все осуществляется.

Другим преимуществом, которое Израиль имел перед языческим миром, было сознание им святости Бога. Нигде нет такого поразительного сознания греховности человека, как в ветхозаветной религии; в ней мы слышим сильные вопли, исходящие из скорбной и грешной души, особенно в покаянных псалмах Израиля; нигде нет подобного сознания той непроходимой пропасти, которая отделяет греховного человека от Пресвятого Бога. Ни один человек не может перейти этой бездны, и ее может заполнить только Благодать. Иудеи, глубоко

---

[1] Здесь имеется в виду то, что в древневосточных и античных религиозных системах можно находить аналогии, сходства с основными истинами христианства. В этом нет ничего удивительного, так как искра Божественной истины не могла вполне угаснуть в человеческом роде, и язычники, лишенные сверхъестественного Божественного Откровения, могли, руководствуясь лишь естественным откровением (разумом, совестью и пр.), сохранить некоторое действительное представление, хотя и в искаженной форме, в виде намеков и туманных надежд.

сознавая такое положение, жили надеждой и ожиданием пришествия Обетованного Мессии, благодать Которого покроет все преступления народа, запечатает все грехи, загладит все беззакония и очистит все неправды его (Дан. 9, 24-27), с Пришествием Которого начнется новый, вечный союз Бога с человеком. Поэтому ветхозаветная религия носила лишь временный характер и должна была уступить место другой, еще более совершенной и уже вечной религии, т.е. христианству. Иудейство, как и языческие религии, носило следы духа времени, условий местности, национальности и т.д.

Христианство свободно от всех этих ограничений; оно не делает различия между племенами, народами, возрастом и состоянием людей, но обнимает всех людей, всех возрастов, состояний и положений, т.е. оно не ограничено ни народом, ни местом, ни временем. Христианство есть религия общечеловеческая, универсальная, вселенская религия; в ней «*нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания и необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос*» (Кол. 3, 11).

Догматическое и нравственное учение Ветхого Завета также было неполным: оно лишь готовило, воспитывало человечество к принятию Христа и потому имело только временное значение. Ветхий Завет был пестуном народа Божия во Христе, то есть являлся **детоводителем** ко Христу, готовил Израиль к принятию Мессии, к принятию вечного Завета (Гал. 3, 24; Евр. 8, 5; 10, 1).

Этот подготовительный характер ветхозаветной религии сознавали и сами ветхозаветные пророки, которые, с одной стороны, говорили о превосходстве иудейской религии над язычеством, а с другой — устремляли свои взоры к будущему, ибо Ветхий Завет указывал только на то, что нужно делать и как делать, но сил для исполнения этого не давал, не было благодати, и поэтому даже ветхозаветные праведники не могли исполнить всего написанного и находились под клятвой Закона.

Таким образом, язычество — религия ищущая, иудейство — религия надеющаяся, а христианство есть осуществление того, что искало язычество и на что надеялось иудейство. То, на что надеялся Израиль, действительно осуществилось в Лице Иисуса Христа, Который ради нашего спасения сошел с небес и воплотился от Духа Святого и Марии Девы и явился на земле как

Богочеловек. Божественный Дух некогда в творении воплотил жизнь в материи, а теперь Сам, когда исполнилось время, воплощается; Он принял на Себя человеческое естество. В Лице Иисуса Христа исполнилось ветхозаветное пророчество, открывшееся Первоевангелием и окончившееся последними предсказаниями о Мессии пророков Аггея, Даниила и Малахии. Он — Тот обетованный Мессия, Который, по пророчеству Исайи, взял на Себя грехи всего мира и безропотно понес их до Голгофы, как Агнец, ведомый на заклание. На Голгофе совершилось спасение человеческого рода, упразднение державы смерти, то есть власти дьявола над человеком, удовлетворение правосудию Божию, осудившему человека за преступление на смерть.

Христос — Тот, Который, по пророчеству Исайи, *«не воспрекословит, не возопиет... Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы»*. Наконец, Он — Тот обетованный Мессия, на Которого указал св. пророк Иоанн Креститель: *«Вот Агнец Божий, берущий на Себя грех мира*». Он — Тот, Который, по словам апостола Павла, «*будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной*» (Филип. 2, 6-8).

Итак, Иисус Христос, Его жизнь, учение, вольная крестная смерть, избавляющая нас от греха и его следствий, Воскресение, учение о Святой Троице — составляют собой сущность христианства. Христианство тесно связано с ветхозаветной иудейской религией, без последней оно, как исключительное явление в истории человечества, как сверхъестественное явление, во многом будет непонятным историческим фактом. Для ветхозаветной религии христианство — осуществление ожидаемого и окончательное восполнение учения о Боге, мире и человеке, ибо Христос Спаситель принес на землю Божественную Истину в полноте и совершенстве (Евр. 1, 1-2; 1 Кор. 2, 7-3, 10). Следовательно, христианство заключает в себе всю истину.

3. Необходимость и основание религиозного знания в христианстве

3.1. Понятие об Откровении

Выдающийся русский молитвенник и богослов, митрополит Московский ***Филарет (Дроздов)***, (1782-1867), в самом начале своего Катехизиса ставит вопрос: *«Откуда почерпается учение Православной веры?»* — и отвечает: *«Из Откровения Божественного»*. А на вопрос: *«Что такое Божественное Откровение?»*, автор Катехизиса отвечает: *«То, что Сам Бог открыл людям, чтобы они могли право и спасительно веровать в Него, и достойно чтить Его»* (Катехизис, с. 4). Бог открывает Себя и Свою силу двумя путями: естественным и сверхъестественным.

«Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое величие, а в другой — Свою волю. Первая — сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность Его созданий, признал Божественное всемогущество... Вторая книга — Священное Писание. В ней показано Создателево благоволение к нашему спасению» (М.В.Ломоносов).

3.2. Естественное Откровение

Все, что Бог открыл нам о Себе в Своем творении, служит первым и самым обычным источником нашего познания о Нем. На всем Своем творении Господь положил печать Своего могущества, премудрости, благости и других свойств Своих. Святой апостол Павел о познании Бога из видимого мира говорит: «*Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны*» (Рим. 1, 20), то есть, как невидимая нами сила ветра познается по колебанию и шуму деревьев, или как невидимые нами способности человеческого ума открываются из его произведений: книг, картин, машин и пр., так невидимые свойства Бога — Его вечная сила, премудрость познаются из Его творения. Весь мир — великая открытая книга, в которой человек может читать о Творце Его. Святитель Григорий Богослов

говорит: *«Небо, земля, море, словом — весь мир есть великая и преславная книга Божия, красноречиво свидетельствующая о бытии Божием»*.

Внешняя природа служит откровением Божественной славы, Его всемогущества, величия и премудрости. Священное Писание говорит: *«Сам поднебесную всю надзирает, знающий все, что на земле, ибо все сотворено Им. Ветров вес и воде меру...»* (Иов. 23, 24-25). «*Он распростер север над пустотой, повесил землю ни на чем. Он заключает воды в облаках Своих, и облако не расседается под ними. Он поставил престол Свой, распростер над ним облако Свое. Черту провел над поверхностью воды, до границ светы со тьмою. Столпы небес дрожат и ужасаются от грозы Его. Силою Своею волнует море, и разумом Своим сражает его дерзость*» (Иов. 26, 7-12).

В дивном, всем известном 103 псалме Псалмопевец об этом говорит: «*Благослови, душа моя, Господа! Господи Боже Мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием; Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер… Все соделал Ты премудро…*».

Святитель Василий Великий говорит: «*В рассуждении веры в Бога предшествует помышление то, что Бог есть; которое (помышление) мы снискиваем чрез сотворенные вещи. Прилежно рассматривая творение мира, мы знаем, что Бог премудр, всемогущ, благ; познаем также и все невидимые Его свойства. Таким образом, Его яко Верховного Правителя приемлем. Поскольку всего мира Творец есть Бог, а мы составляем часть мира; следовательно, Бог есть Творец и наш. За этим познанием следует вера, а за верой — поклонение*» (Катехизис, стр. 6). Не мог явиться сам собой мир — это великое и прекрасное строение Божие. Если же для малого здания необходим архитектор, то тем более для мироздания необходим Творец, ибо, по Апостолу: «*…всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший все есть Бог*» (Евр. 3, 4). Нужно только смотреть на мир очами духа, и тогда мы непременно усмотрим в нем сокровенного Бога.

Блаженный Августин пишет: *«Однажды я пожелал узнать, где и в каком месте находится мой Бог. Спросил я землю: «Скажи мне, земля, где мой Бог? Или ты мой Бог?» — Она ответила и сказала: «не я твой Бог». И все, что на ней, то*

же самое сказало мне. Тогда спросил я море и все глубины, и животных его: «Где мой Бог?» И они ответили мне: «Не мы твой Бог: ищи Его выше нас». Спросил я ветер веющий: «Где мой Бог?» И воздушное пространство со всеми обитателями своими сказало: «Не мы твой Бог». Небо спросил я, солнце, луну и звезды, но их речь была: «Не мы твой Бог, Которого ты ищешь». Тогда я обратился ко всем предметам, которые я созерцал, и сказал им: «Вы ответили мне, что не вы мой Бог; что же вы можете сказать мне о Нем? И все они громко закричали: «Он сотворил нас!» Воистину, по словам Псалмопевца, *«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18, 1)*. Несомненно, на Бытие и высочайшие совершенства Бога указывают нам составные части всего мира.

Мы видим, что все вещи в мире являются, изменяются, преходят. Из этого следует, что и весь мир, в целом его составе, непостоянен, и значит, существует не от вечности, а непременно имеет свое начало и получил бытие от Кого-то. Итак, кто же даровал бытие миру? Без сомнения, мир возник не сам собой, не от слепой силы или случая. Случай — пустое слово и производить ничего не может. «*Если бы от случая зависел порядок мира*, — рассуждал выдающийся римский философ и оратор Цицерон (I в. до Р.Х.), — *то от случая можно бы ожидать и того, чтобы из брошенных на удачу букв составилась летопись*».

Следовательно, вне мира — и разум неизбежно должен допустить это — есть Сущность — не случайная, а необходимая, вечная, самобытная, совершеннейшая, Которая и даровала бытие миру. С другой стороны, при всей изменяемости вещей в мире, мы замечаем в нем удивительный порядок, соразмерность и красоту. От величайших тел, плавающих в пространствах небесных, до самых ничтожных насекомых, ползающих по земле, всему дано свое и самое мудрое устройство.

Не одна мертвая природа так громко свидетельствует о бытии Божием. Еще свидетельствует об этом живое сердце — дело Божие в человеке, которое неопровержимо доказывает нам бытие Божие. Совесть есть зеркало, перед которым нельзя скрыть ни одного порока; обвинитель, который не дает человеку покоя; свидетель, которому нельзя противоречить; судья, пред которым нельзя устоять. Об этом естественном нравственном законе,

который имели и язычники, апостол Павел говорит: «*Язычники, не имеющие закона, по природе законное делают… не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую*» (Рим. 2, 14-15).

Естественным Откровением пользовались все святые Отцы и подвижники как самым доступным и всем известным. В Священном Писании естественное богопознание признается даже необходимым и обязательным для человека в исканиях Божественной истины. Книга Иова вменяет в обязанность познавать Бога из Его творения, то есть естественного Откровения: «*Стой и разумевай чудные дела Божии*» (Иов. 37, 14).

В заключение следует сказать, как нужно созерцать природу, всю красоту ее, чтобы действительно наслаждаться ею и созерцать в ней ее Виновника. Принимая дар от наших родных и близких нам, мы любуемся его внешними формами, наслаждаемся ароматом, вкусом и непременно благодарим дарителя за внимание к нам. Приняв же от Творца нашего дар, которому нет в мире равного по красоте и совершенству, который одевает и питает нас по Промыслу Божию, — как можем не возблагодарить за него Создателя? Имя этому бесценному дару Божию — природа, имя же черной неблагодарности — безумие. Сама природа, со всеми мудро совершающимися в ней сложными процессами, свидетель-ствует о том, что она не безразлична; свидетельствует о том, что Небесный Правитель ее еще более совершенен, чем она.

3.3. Сверхъестественное Откровение
Памятники Откровения

Основным постулатом христианской гносеологии — теории познания является тезис, согласно которому одного естественного Откровения недостаточно для более полного и истинного познания Бога и мира: рассматривая внешнюю природу и нашу внутреннюю жизнь, мы приобретаем познания лишь путем собственных органов чувств, размышлений и умозаключений, а этот путь может быть и ложным. Познание, основанное только лишь на сенсорном и рациональном

постижении окружающей человека реальности, несовершенно и недостаточно, и может служить только приготовлением к вере. Вот почему Промысл Божий для спасения людей воспол-нил это естественное Откровение ***сверхъестественным***.

Сверхъестественным Откровением называется непосред-ственное сообщение Самим Богом человеку тех истин веры и нравственности, которых человек или не знал, или недостаточно сознавал, и до ясного представления которых никогда не мог возвыситься своим разумом. Такое Откровение состоит в том, что Бог, снисходя к немощи человеческого духа, Сам непосредственно сообщает ему о Себе независимо от его собственного познания, в восполнение немощи последнего. Провозвестниками Сверхъестественного Откровения были патриархи и пророки, но в совершенстве принес на землю Откровение Божие воплотившийся Сын Божий, и распространил его через Своих учеников и апостолов (Евр. 1, 1-2). Содержанием Сверхъестественного Откровения служит учение о Боге, Едином по Существу и Троичном в Лицах, об искуплении людей воплотившимся Сыном Божиим и об освящении их благодатью Святого Духа, об ангелах, добрых и злых, о человеке, созданном по образу и подобию Божию, о бессмертии души человека, о Промысле Божием и т.д.

Божественное Откровение распространяется между людьми и сохраняется в истинной Церкви двумя способами: посредством ***Священного Предания*** и ***Священного Писания***. Под именем Священного Предания разумеется то, когда истинно верующие и чтящие Бога словом и примером передают один другому, и предки — потомкам учение веры, Закон Божий, таинства и священные обряды. Верное хранилище Священного Предания — Церковь, «*Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины*» (1 Тим. 3, 15). Святитель Ириней Лионский пишет: «*Не должно у других искать истины, которую легко заимствовать от Церкви. Ибо в нее, как бы в богатую сокровищницу, апостолы в полноте положили все, что принадлежит истине, так что каждый желающий может принимать от нее питие жизни. Она есть дверь жизни*» (Катехизис, стр. 6).

Под именем Священного Писания разумеются книги, написанные Духом Божиим через освященных от Бога людей,

называемых пророками и апостолами. Обыкновенно эти книги называются ***Библией.*** Всех книг Священного Писания в Ветхом Завете — 50; из них 39 ***канонических*** (22 по еврейскому исчислению) и 11 — ***неканонических***; новозаветных книг— 27.

Христианская религия, основанная на особенном Сверхъестественном Откровении, есть религия Богооткровенная, а поэтому христианское учение определяется как высшее знание о духовных истинах, данных человечеству: Богооткровение христианское дает просвещение разума, ибо Христос «*есть путь и истина и жизнь*» (Ин. 14, 6). До истин, возвещенных Христом, не мог дойти человеческий разум ни в философии, ни в античной мифологии, ни в естественных религиях. Святой апостол, возвещая об этом, говорит: «*...проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ...дух все проницает, и глубины Божии*» (1 Кор. 2, 7-8, 10).

Действительно, Господь избрал проповедниками Своего учения простых Галилейских рыбаков, и они посрамили высокоумный древнеклассический мир со всей его премудростью, который «*не познал Бога в премудрости Божией*» (1 Кор. 1, 21). Простые Галилейские рыбаки сохранили для мира на все века великие начала христианства, которые оказались непосильными для человеческой премудрости древнего мира, ибо «*немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков*» (1 Кор. 1, 25). И Бог избрал немудрое мира и немощное мира, чтобы посрамить мудрых и сильных мира сего, которые без Бога хотели обрести истину.

Христианство всегда было и остается тайной, которую Бог утаил от мудрых и разумных и открыл младенцам (Мф. 11, 25), чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы (Ин. 9, 39). Ибо ничто так не противно самому существу христианской религии, как самодовольная и самоуверенная мудрость. Только истинные и глубокие знания, озаренные Божественным Откровением, приносят человеку пользу, укрепляют его веру и делают ее сознательной и устойчивой, чего нельзя сказать о человеческих познаниях, не озаренных Словом Божиим. Как нож, с одной стороны, может приносить пользу и необходим в домашнем быту, а с другой — в руках разбойника может служить лишь орудием для убийства, так и всякие познания могут быть

полезными и вредными для человека, — полезными тогда, когда человек стремится к Богу, хочет познать Его, когда он свою жизнь, свои знания посвящает на служение ближнему; вредны, когда они служат только к удовлетворению человеческих страстей, когда они вызывают в человеке надменность, тщеславие и бесовскую гордыню.

Святитель Григорий Богослов говорит, что человеческие познания, к которым пришел древнеклассический мир, пленили его; он много и долго трудился, изучая науки, которые собрали Восток и Запад, и особенно Афины — краса древней Эллады. И, завершая эту мысль, он говорит: «*Но все сии познания, повергнув долу, положил я к стопам Христовым, чтобы они уступили слову великого Бога, которое затмевает собой всякое известие и многообразное слово ума человеческого*» (Г.Дьяченко, стр. 101).

Но цель Откровения, главным образом, — спасение человека, достижение им Царства Небесного или того райского блаженства, которого он лишился через грехопадение, ибо конечная цель бытия человека — общение его с Богом и достижение им вечного спасения, а это возможно только с помощью Божественной благодати.

3.4. Необходимость для человека Сверхъестественного Откровения

Необходимость Откровения связана с ограниченностью и поврежденностью человеческой природы, вследствие которых невозможны, без особой помощи свыше, ни начало, ни развитие истинно-религиозной жизни (Рим. 7, 18-24). Кроме этого, нужно указать на недостаточность для богопознания естественного Откровения.

В возможности Сверхъестественного Откровения также нельзя сомневаться, если мы верим в живого и личного Бога и убеждены, что человек создан по образу Божию. Нельзя допустить, чтобы Существо Высочайшее, Которое есть жизнь и сама любовь, оставило Свое создание, слабое и немощное, без Своего Откровения, вразумления и просвещения. Без Сверхъестественного Откровения не может быть истинной религии и правильного понятия о Боге, о чем «от противного» свидетельствуют все языческие религии. Не в качестве

авторитета, а в качестве иллюстрации мысли о необходимости Сверхъестественного Откровения для самого существа религии приведем слова поэта В.А. Жуковского, глубокомысленного верующего христианина: «Бог философический, так сказать, на живую нитку сшитый нашим умом из клочков его умозаключения, есть только умственный идол, которому, поклоняясь, мы поклоняемся только самим себе и собственной нашей идее. Эта идея, нами самими созданная, есть нечто, не могущее иметь с нами никакой взаимности. Вера в Бога может быть только Откровением, то есть живая вера в Бога и живые отношения к Нему возможны только при Откровении со стороны Самого Бога человеку. Бог не есть идея: Он — Лицо, живое Существо, Которого наша мысль изобрести, то есть из самой себя вывести, не может» (П.А. Светлов, т. 1, стр. 30-31).

Между Богом и человеком, при всем их безмерном различии, есть нравственное сродство, и человек может входить в живое общение с Богом. Бог, как Существо всеведущее и премудрое, обладает всеми средствами для сообщения людям Своего Откровения, а человек имеет способность к восприятию этого Откровения.

Итак, Сверхъестественное Откровение необходимо для человека, а со стороны Бога — возможно.

4. Богодухновенность Священного Писания

4.1. Свидетельства самого Священного Писания

Под Богодухновенностью Священного Писания в богословской литературе понимается тот факт, что все 66 книг, вошедших в канон Библии, были написаны богоизбраными мужами под при непосредственном водительстве Святого Духа. Свидетельства о богодухновенности Библии можно сгруппировать в два отдела: первые присутствуют в самом Священном Писании, другие укореняются в соображениях человеческого разума.

Господь, обращаясь к пророку Моисею, говорит: «*итак пойди, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить*» (Исх. 4, 12). Пророк Давид восклицает: «*Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня*» (2 Цар. 23,2).

Сам Спаситель часто ссылается на Писание Ветхого Завета. Он пользовался ветхозаветным Писанием как оружием против искусителя. Господь называет Священное Писание словом Божиим: «…*устраняя,* — говорит Он книжникам и фарисеям, — *слово Божие преданием Вашим*…» (Мк. 7, 13), приписывает непогрешимость его истинам, говоря «*Не может нарушиться Писание*» (Ин. 10, 35); или: «*Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все*» (Мф. 5, 17-18).

Так же относились к ветхозаветному Писанию и ученики Господа. Апостол Петр прямо говорит: «*Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым*» (2 Петр. 1, 21); а апостол Павел к Тимофею пишет: «*Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности*» (2 Тим. 3, 16).

Сам Христос не оставил никаких писаний. Он был послан возвестить Благодать и истину словом уст Своих и избавить человеческий род Своей смертью и Воскресением от вечного осуждения. Он был не составителем, а Тем, жизнь Кого

описывает Священное Писание. Священное Писание должно было говорить о Нем, но не быть написанным Им. Своих апостолов Господь сначала также посылал не для того, чтобы они писали, а чтобы проповедовали: «*…идите, научите все народы*...» (Мф. 28, 19); «*…проповедуйте Евангелие всей твари*» (Мк. 16, 15).

Кроме указанных исторических свидетельств, взятых из самой Библии, о происхождении ее от Самого Бога свидетельствует сущность содержащегося в ней всего учения, то есть сама Библия, внутренними своими свойствами, которые отличают ее от всех книг человеческого творения, свидетельствует о своем сверхъестественном происхождении.

Первый признак истинности Откровения есть высота изложенного в нем учения. Священное Писание содержит учение о Боге, о духовном мире, о душе и о жизни вечной. Все это — столь высокие предметы, которых человек сам собой никогда не мог бы вполне постигнуть, если бы Сам Бог не сообщил людям об этих предметах путем Своего Сверхъестественного Откровения. Ум человеческий приходит к заключению о Божественности Библии через сравнение ее учения с высочайшими и лучшими созданиями человеческого ума (например, в области философии). Такое сравнение приводит к мысли, что Библия не только есть Книга книг, то есть первая из человеческих книг, но что она сверхчеловеческая Книга по высоте, чистоте и соответствию ее учения со всеми истинно-человеческими потребностями духа.

Замечательное единство содержания, гармония между отдельными библейскими книгами проходит через все Священное Писание. В нем заключается изумительная полнота мыслей, знаний, фактов. Но через все проходит одна и та же мысль. Из всех его отдельных частей веет один и тот же дух религии, оно во всех своих отдельных частях преподает одно и то же учение, провозглашает одни и те же великие истины, указывает нам один и тот же путь спасения, раскрывает одно и то же домостроительство Божие. Это единство Священного Писания поистине достойно всякого удивления.

Несмотря на такой огромный период времени, в который были написаны все ветхозаветные книги, а этот период обнимает собой, по мнению различных богословов, от тысячи до полутора

тысяч лет, все же Библия по содержанию составляет одно целое. Хотя она была написана самыми различными авторами, при самых различных обстоятельствах и условиях, для самых различных целей, в самых различных стилистических формах и, тем не менее, какое изумительное единство духа и всего миросозерцания являет она собою. Во всем мире, во всех литературах народов нельзя указать ни на одно произведение собственно человеческого творчества, хотя бы только чуть похожее на это. *«Чем более углубляешься в Новый Завет, тем более открываешь, что это не случайное собрание отдельных сочинений, но целое, связанное внутренней связью... Такую же связь мы наблюдаем между Ветхим Заветом и Новым: как удивительно согласованы друг с другом начало и конец Библии от творения неба и земли до нового неба и новой земли будущего века!»* (Лютгардт). Священное Писание составляет одно целое; оно не есть как бы сборник сочинений, оно есть одна книга, один организм, в котором каждая часть необходима; в нем нет ничего случайного, излишнего.

Те, кто писали отдельные части Священного Писания, очень часто даже совершенно не знали друг о друге, ничего не знали и о целом, для которого они работали. Здесь господствует не собственное размышление авторов, и нельзя всего этого приписать случаю, но можно объяснить только действием Духа Божия. Это творение имеет только Одного Создателя — Духа Святого, который пользовался отдельными людьми для составления целого творения. Священное Писание высказывает глубочайшие мысли и самые широкие воззрения с такой уверенностью и простотой, как будто бы дело шло о простых истинах мира, или о знакомых всем понятиях.

Другим важным признаком Священного Писания, как истинного слова Божия, является его чистота. Человеческое учение высшей мыслью своих изысканий и предписаний поставляет, главным образом, благосостояние в этом мире, но учение слова Божия направлено к тому, чтобы воспитать, развить и приготовить человека для неба и вечности. *«Будьте совершенны, как отец ваш небесный...».* С другой стороны, слово Божие не смотрит как на какое-нибудь зло и на блага земные. Но оно обращает внимание на опасность абсолютизации этих благ.

Далее, предлагая людям те или другие правила жизни, самые лучшие философы и высочайшие умы как древнего, так и нового времени нередко, наряду с высокими правилами нравственности, делают такие внушения, которые совершенно подрывают чистую нравственность и способствуют низменным человеческим страстям.

Величайший из философов древнего мира ***Платон,*** наречный современниками за возвышенность своего учения ***Божественным*** (427-347 гг. до н.э.) в своем фундаментальном творении «Государство» вместе с высокими правилами, обусловливающими счастливую жизнь государства, предписывает убивать слабых здоровьем детей. Другой великий грек, вершина античной мудрости, родоначальник доброго десятка наук, ***Аристотель*** (384-322 гг. до н.э.) восклицает: «Как можно любить невольников? Можно ли чувствовать привязанность к подлым орудиям?»

Господь же говорит: *«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного*» (Мф. 18, 10). «*…Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею его, и потопили его во глубине морской*» (Мф. 18, 6).

Римские законы — «образчик справедливости» древнего мира — налагали одинаковое наказание как за убиение чужого раба, так и за убиение чужой скотины, а с собственным рабом каждый господин мог распоряжаться, как ему угодно. Священное же Писание говорит: «*Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах*» (Кол. 4, 1). Слово Божие внушает никого не презирать, но всех любить, даже врагов.

Нравственные начала, изложенные в слове Божием, до того высоки, совершенны, что их полную справедливость признают даже враги слова Божия. Бывали такие примеры, что люди неверующие, которые брались за книги Священного Писания с намерением опровергнуть содержащееся в них учение веры и правила нравственности, сами были побеждены божественной непреодолимостью слова Божия, и из врагов делались самыми ревностными поборниками этого ученая, и даже полагали за него всю жизнь.

4.2. Пророчество — признак истинности Слова Божия

Под именем ***пророчества*** понимаются ясные и определенные предсказания о будущих событиях совершенно случайных, которые не могут быть доступны соображениям человеческого разума, а ведомы только одному бесконечному Уму. К пророчествам относятся совершенно случайные события, то есть которые могут быть, а могут и не быть. Такие события не подчиняются естественным законам природы, а только совершаются всемогущей волей Божией и Его Промыслом. Все то, что можно предвидеть на основании естественных законов, не является пророчеством (например, прогноз погоды, дефолт, путч, смена общественно-экономической формации и проч.).

Пророчества имеют своим предметом будущие события не только случайные, но и чудесные, совершенно зависящие от единой воли Божией, каковы были пророчества о десяти казнях египетских, пророчества Исайи и многих других, просвещенных Духом Божиим мужей. Мессианские пророчества обнимают собой во всех подробностях жизнь и дело Христово: предсказаны точное время и место рождения Мессии, поклонение волхвов, избиение младенцев, бегство в Египет, появление Предтечи, чудеса Спасителя, Его учение, отвержение Мессии иудейским народом, Страдания Спасителя, Его Смерть, Воскресение и т.д. Все эти пророчества Паскаль считает «величайшим из доказательств истинности Иисуса Христа» (а, вместе с тем, и Библии).

Знаменитый апологет II века святой ***Иустин Философ*** говорит: *«...каким бы образом поверили мы Человеку Распятому, что Он Первенец нерожденного Бытия Бога, и произведет суд над всем родом человеческим, если бы не находили мы свидетельств, предсказанных о Нем прежде, нежели Он пришел и сделался человеком, и если бы не видели, что точно так и сбылось, то есть, что земля иудейская опустошена, что люди из всего народа уверовали в Него посредством учения Апостолов Его»* (Разговор с иудеем Трифоном, стр. 83, 145).

Целый народ в течение нескольких тысяч лет возвещал Мессию. Возникает вопрос: если Мессия столь ясно был предсказан, то как могло случиться, что иудеи не узнали Его? На

этот вопрос можно ответить словами гениального французского ученого-естествоиспытателя и философа ***Блеза Паскаля***: *«Иудеи, убивая Христа, чтобы не признавать Его за Мессию, доказали этим самым в последний раз, что Он — Мессия, продолжая Его не признавать, они стали безупречными свидетелями истинности Мессии. И убивая, и продолжая отказываться от Него, они исполняли пророчество»* (Б. Паскаль. Мысли о религии, стр. 177-178,182).

Среди множества мессианских пророчеств особенно сильное впечатление производит псалом 21, с поразительной точностью и ясностью пророчествующий о Мессии-Искупителе.

Глава II

УЧЕНИЕ О БОГЕ

1. Догмат о Святой Троице

1.1. Бог есть тайна

Человек замкнут внутри тварного, земного бытия. Он погружен в суету, если не дел, то помышлений, и ему чрезвычайно трудно выйти за пределы этого замкнутого круга. Даже святым людям удается сделать это только на время, удается «прыгнуть» к небу и увидеть «задняя Божия», славу Божию. Поэтому человеческие представления о Боге крайне ограничены. Бог — это, прежде всего, великая тайна для человека и для всякой твари, великое молчание и безмолвие.

Православие учит о том, что есть два пути в определении Бога – катафатический и апофатический (свщнмуч. Дионисий Ареопагит). Первый путь — утвердительный, когда мы приписываем Богу имена, раскрывающие какой-то положительный смысл. Тогда мы говорим, что Бог есть Творец мира, Вседержитель, Промыслитель, Судия, Жизнь, Бытие, Благо, Сущность, Добро и т.д. Все эти имена — отвечают реальности и взяты из Священного Писания или Священного Предания. Но, в то же время, есть более высокая истина, которая заключается в том, что Бог — выше всех человеческих определений, выше слов. Здесь возникает определенный парадокс. Верующие — это люди, которые знают Бога в том смысле, что у них есть знания о Боге и есть, пусть небольшой, опыт общения с Ним. Но, в то же время, верующие — это люди, которые «не знают» Бога, потому что знать Бога можно только ограниченно. Верующие приобщены к тайне Бога.

По этой причине сама жизнь верующих — и жизнь Церкви — оказывается таинственной, неведомой, чудной. Эта жизнь превращается в какое-то единое дыхание общения с Богом, которым никогда невозможно насытится, в единую встречу с Богом, которую прозревают в разных обстоятельствах, во встречах с людьми и т.д. И это неудивительно, ведь христиане —

это сродники Богу, они приобщаются к Божественной Жизни, ее тайне.

Выше говорилось, что мы не знаем Бога. Но одновременно, мы знаем нечто о нем. Нечто — что Он Сам благоволил нам открыть через Священное Писание. Например, в Писании сказано: «путь нечестивых погибнет…» Таким образом, мы знаем, что жизнь людей — или обществ — страстных, порочных всегда «висит на волоске» и мы не удивимся их разрушению как не удивились разрушению коммунизма. В то же время, опять-таки, и это знание о Боге является ограниченным. Мы знаем, что такое разрушение может произойти, но мы не знаем, когда именно и т.д.

Именно поэтому среди христиан недопустимо фарисейское самодовольство по поводу того, что они якобы «знают Бога и Его волю» от начала и до конца и без труда могут указать другим людям (даже если те не просят) эту волю. «Фарисеи» — это люди, которые силятся «заковать Бога» в рамки своих узких представлений, люди, которые не отдают себе отчета в том, что Бог есть тайна и что «работать Ему» нужно «со страхом и трепетом». В то же время, все это не означает, что не нужно соблюдать канонов Церкви. Их соблюдение — необходимо для спасения, но мы должны всегда помнить, что есть нечто высшее для христианина — а именно жизнь в Боге, «моя жизнь в Иисусе Христе». Например, чтобы нормально и безопасно ехать по шоссе, необходимо знание и выполнение дорожных правил. Но никакие правила не скажут нам, куда ехать. Только Христос «скажет нам куда ехать». Не говоря уже о том, что сегодня перед христианином — перед Церковью — очень часто появляется ситуация, когда он по каким-то объективным причинам не может выполнить тот или иной канон. Как поступать здесь — опять-таки, знает только Бог (Который дает свое знание Церкви).

1.2. Бог есть Святая Троица

Православие учит, что Бог Един по Природе и Троичен в Лицах. Три Ипостаси, открытые нам (наиболее явно) в Новом Завете, — Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Личное свойство Отца — отечество или нерожденность; Сына — предвечное рождение от Отца; Духа — предвечное исхождение от Отца.

«Каждая из Божественных Ипостасей обладает всеми божескими совершенствами, но этими божескими совершенствами они обладают нераздельно, поэтому они «не три бози, но один Бог» (Догматическое богословие. Учебное пособие. Под редакцией М.В. Бахтина. — М.: Издательство МГИПКиПК,2004. С. 55). Отношения между тремя Ипостасями — это отношения любви. В Писании Христос называется Возлюбленным Сыном Бога. В свою очередь, Христос говорит, что Его пища — творить волю пославшего Его Отца. Поэтому человек тоже призывается к любви в отношении к Богу и ближнему (см. подробнее указ. соч.).

Тысячи людей огромное количество раз на дню клянут «судьбу», «случай», «рок», или, наоборот, в зависимости, от обстоятельств, восхваляют ее. И только верующие знают, что за всеми обстоятельствами жизни стоит Личный Бог, Который по своей неизреченной премудрости направляет течение жизни.

Однако верующие не просто знают, что Бог личностен. Этого мало. Главное заключается в том, что Бог и человек вступают в общение друг с другом, подобно тому, как вступают в общение человек и человек. Причем отношения Бога и человека отличаются по своему онтологическому статусу от отношений людей. Безусловно, первые являются универсальными. Где бы я ни был и что бы со мной ни происходило, я могу призвать Бога. Когда мне тяжело и когда мне легко, когда я бодрствую и даже когда я сплю. И Бог в ответ на этот призыв посылает человеку утешение – малое или большое. Тогда как отношения людей, во-первых, не универсальны — возможны ситуации тотального одиночества, — а, во-вторых, они не имеют столь высокого духовного качества.

Писание открывает нам Бога живого, личного. О Нем говорится, что он гневается, радуется, раскаивается и т.д. И хотя, по изъяснению Святых Отцов, это, безусловно, антропоморфизмы, не стоит думать, что за ними не стоит никакой реальности, иначе не имел бы смысла и сам библейский рассказ. Это просто описание проявлений Бога человеческим языком, но за ними стоит живое отношение Бога к своему творению.

В основе жизни конкретного человека и истории человечества в целом лежат личные отношения Бога и человека.

Современному человеку это кажется абсурдным и даже — «примитивным». Нас приучили искать в истории железную необходимость, которой нет никакого дела до людей с их душевными переживаниями и просто желанием «еще пожить». Марксизм даже как-то извращенно «любит» именно такую необходимость и другой даже и не захочет признать. Современному человеку кажется глупой вера христианина в то, что он может молитвой изменить ход истории, или, например, его желание воскресить умершего. Философия скажет, что раз человек умер, то на то была «железная необходимость», если хотите, воля Божья и не надо в это дело вмешиваться. В таком отношении имеет место даже какое-то ложное светское смирение перед Богом. А у верующего нет такого смирения, он дерзновенен, он вступил в сферу тайны Бога и имеет смелость думать и действовать по-другому.

Приобщаясь к тайне Бога, человек приобщается к тайне своей жизни и тайне истории, он входит в них и становится онтологическим деятелем, он становится способным «положить свою душу» за Бога и за други своя.

В теологической доктрине христианства Бог с полной ясностью открыл Себя человеку уже как Троица, а не Единица. Вера в Святую Троицу — это тот краеугольный камень, который отличает христианство от других монотеистических религий: иудаизма и ислама.

Новозаветное понимание Бога уже как Триединого начала, безусловно, напрямую связано с Домостроительством Божиим, с Его воплощением и осуществлением Своей величайшей миссии. Бог-Сын является в мир и напрямую открывается человеку. То же можно сказать и о Святом Духе, всецело участвующем и соработничествующем Христу в деле спасения человеческого рода.

2. Догмат творения

2.1. Догмат о творении мира и современное знание

История нашего мира началась с момента творения его Богом из ничего. Писание говорит, что мир был сотворен Богом в течение шести дней — небо и земля, моря и океаны, растения, небесные светила, животные. Наконец, последним был сотворен человек, для которого, собственно, и предназначался весь видимый сотворенный мир. Священное Писание учит, что все сотворенное в мире, видимое и невидимое, является делом Всемогущества и Премудрости Божьей. Прекрасны небо, солнце, луна, бесчисленное множество звезд и вся вселенная, но прекраснее всего человек, ибо он сотворен по образу Божьему. Святитель ***Тихон Задонский*** восклицает: «*Дивное создание Божие человек! Создан не так, как прочие твари, создан особым Советом Святой Троицы. Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему*» (Быт. 1, 26). Великой и высокой честью почтен был человек от Создателя своего. «Все твари — свидетели Всемогущества и Премудрости Божьей, но человек, кроме того, образом Божьим почтен и особенным Советом Его сотворен».[1] Святитель Григорий Богослов, говоря о Совете Святой Троицы «*Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему*» (Быт. 1, 26), указывает: «Так сказало Слово, и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составило образ и уделило ему Своей жизни, потому что послало в него дух, который есть струя невидимого Божества.

Творение мира — догмат, который является величайшим достоянием христианской веры. Современный человек утратил знание о происхождении этого мира. Причем парадоксально то, что произошло это под лозунгом освобождения человека от «религиозных оков». В Новое время философы и многие деятели науки призывали «отдать» вопрос о происхождении мира науке. И вот мы его отдали: что же мы получили? Без преувеличения, ничего. Сначала, когда общественное мнение было почти целиком на стороне сциентистского оптимизма, выдвигалось множество смелых гипотез, — начиная с Декарта (правда, в его

[1] Святитель Тихон, епископ Воронежский. Сочинения. Т. XV. – М., 1837. С. 3-4.

концепции место для Бога-Творца еще оставалось). Эти гипотезы воспринимались как знание, поскольку ожидания были именно таковыми — человек должен узнать о природе все. И только примерно со второй половины XX в. эта мания мнимого научного всезнайства начинает медленно проходить, и человек современной цивилизации, уже отказавшийся и не имеющий силы — на уровне цивилизации — вернуться к религиозному знанию, остался у разбитого корыта научных гипотез. Собственно, это всегда были гипотезы, просто наивное просвещенческое сознание прошлых веков не хотело отдавать себе в этом отчет, давая каждой новой гипотезе непропорционально огромный кредит доверия. Сейчас он исчерпан. Проведите соцопрос на тему: «Откуда произошел мир?» и Вы увидите, что большая часть общества вообще ничего не ответит, а меньшей удастся вспомнить одну из гипотез, о которой они прочитали в бульварной газете. И не более того. Что это все означает? То, что современный человек не интегрирован со знанием о про-исхождении мира. Верующий интегрирован, — он не просто верит, что мир создан Богом, он живет этим знанием, славя своего Творца, познавая этот мир именно как творение Бога.

2.2. Зачем Бог сотворил этот мир?

Он просто захотел это сделать. Если искать, очень отдаленные, конечно, аналогии с человеческой жизнью, то можно сравнить акт творения с желанием подарить цветы любому прохожему, которое переполняет какого-либо человека, испытывающего большую радость. Неверно сравнивать акт творения, например, с рождением ребенка. Рождение ребенка вызвано физиологической природой человека, а Бог сотворил мир по желанию, а не по «необходимости» Своей природы. Творение – это, по существу, дарение, дар, но величие его в том, что здесь же создается не только дар, но и «объект» дарения — человек. Бог захотел поделиться с другим существом — человеком, ангелами, животными, неодушевленным миром — Своей Жизнью.

Важнейший момент в догмате о сотворении мира — учение о том, что Бог мог и не творить мира. Это учение встает «поперек горла» многим философам, которые видят в нем

«иррациональность», «жестокость» и т.д. На это учение нападали с самых разных сторон. Гениальный голландский философ XVII века ***Барух Спиноза*** утверждал, что Бог «производит» все вещи — то есть мир — необходимо, это есть проявление Его природы. Русский философ конца XIX — начала XX веков Н.А. Бердяев считал, что Бог не смог быть один, Ему было необходимо появление другого существа. Здесь уже, скорее, сентиментальные мотивы. Безусловно, оба эти мнения несовместимы с христианством. По сути, данные философы вторгаются в тайну Бога, пытаясь «заковать» Его в свои земные представления. Спиноза видит, что события в земном мире, во многом (хотя и далеко не во всем) детерминированы, входят в причинно-следственные цепочки. За осенью следует зима, и лето за ней никогда не последует. Земному человеку трудно представить какое-либо существо, в жизни которого детерминация вообще не имеет места. Однако, с другой стороны, Бог, который имеет детерминацию, даже внутреннюю (о которой говорил Спиноза), — это уже как бы не Бог, а очередное существо, включенное в цепь детерминации. Здесь в качестве абсолюта, скорее, выступает именно она. Спинозовский Бог — это такой же узник, как и я, и мне не имеет особого смысла обращаться к нему. Кроме этого, в своей собственной жизни человек часто наблюдает «перерыв» детерминации, ведь сам он, как образ Божий, наделен свободной волей (в его жизни сочетается свободный выбор и детерминация, причем последняя имеет второстепенный характер). Н. Бердяев руководствовался в своем решении проблемы творения, скорее, «экзистенциаль-ными» моментами, но суть ошибки та же. Человек не может жить без общения. Это действительно правда. Даже отшельник живет общением с небесным миром. Но Бог может жить без общения с тварным существом. Бердяев этого признавать не хотел. Однако если Бог не может жить без такого общения, то Он — не абсолютен, а если Он не абсолютен, опять-таки, зачем нам к Нему стремиться? Нам нужен настоящий Бог, а не подделка. Соединение твари и Творца и является целью творения. Это написано в Священном Писании, но это написано и в наших сердцах, которые ищут не просто «истинное мировоззрение», а истинную жизнь, истинное бытие. Найти же его можно лишь в Боге — не в природе и даже не в мире чисто человеческого общения. Хотя, с другой стороны, найдя Бога как

единствен-ную цель духовной жизни, и стремясь к этой цели, мы обретаем и истинное общение с людьми и природой. Вхождение тварного мира в божественную жизнь — вот цель творения.

2.3. Проблема зла

Безусловно, величайшей богословской проблемой, связанной с догматом творения (и с догматом о Боге-Промыслителе, в соответствии с которым, Бог не только сотворил мир, но и постоянно промышляет, заботится о нем), является проблема зла. Она носит не идеологический, а духовно-жизненный характер. Каждый более или менее чуткий человек, так или иначе, вставал перед этим вопросом. Человек даже мог не осознавать по-настоящему, что он стоит именно перед ним, но душа его переживает данный вопрос. Например, один человек в детстве видел, как машина «жестоко» сбила прохожего, так что тот сильно пострадал (но не умер). И вот в душе ребенка поселяется страх — как же такое может происходить? Он жил в мире «безопасно» и вдруг он понимает, что этот мир — совсем не то, что он себе представлял. «Реальность кусается». Психоаналитик в данном случае будет рассматривать этот эпизод как патологию человеческой души, наложившей отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Но это подход очень узкий и неверный. Проблема шире — ребенок впервые зримо для себя столкнулся со злом. И хотя он, может быть, еще и не понимает, что означает это слово, но его душа почувствовала зло в мире. Этим примером мы хотели показать, насколько глубоко проникает переживание присутствия в мире зла в человеке. Он может быть неверующим, он может ничего не говорить — ни себе, ни другим — об этой проблеме, но она все равно будет частью его духовной жизни.

Эту проблему могут решать поверхностно, по-земному. С нашей точки зрения, большая часть современных людей именно так и делает, — она не может «простить» Богу того зла, которое имеет место в мире. Говорят, что «зла слишком много». Однако если принять такую точку зрения, то получается, что Бог — зол. Но если Бог — зол, то зачем Его любить, молиться Ему, иметь с Ним дело? Конечно, в контексте такой точки зрения, все это не имеет никакого смысла. Интересно, что этого взгляда как раз и придерживаются люди, которые не хотят принять каких-то

обязательств перед Богом. Они как бы «дисквалифицируют» Его — Он «не имеет права» быть их Судьей, их Целью. Эти люди верят, что Бог есть, они даже не сомневаются в этом. Но одновременно они хотят жить подальше от Бога. Продолжим эту логическую цепочку — если они живут дальше от Бога, значит, они живут дальше от Его заповедей, но тогда они сами становятся творцами зла. Интересная получается закономерность. Не выступает ли эта идея о том, что «Бог зол» просто в качестве оправдания зла, которое совершают сами люди?

Христиане в этих условиях, как и всегда, кажутся «безумными». Среди всего зла, которое действительно творится вокруг нас каждый день, они исповедуют, что Бог не сотворил зла, все, что Он сотворил, в том числе человек, — «добро зело». Бог не мог сотворить зло, потому что он Сам есть Добро и в Нем нет ни тени зла. Зло появляется только на тварном уровне в отпадении от Бога части сотворенных добрыми ангелов, а потом и человека. Все эти догматы имеют решающее значение для нашей духовной жизни. Потому что теперь мы знаем, что, кроме этого безумного от греха мира, есть Бог, в Котором нет никакого зла. Более того, реальность Бога онтологически неизмеримо выше по своему статусу, чем реальность этого мира. Христиане уже здесь, в этой земной жизни могут преодолевать этот мир как лежащий во зле. Христос сказал: «Я победил мир». Имеется в виду мир, во зле лежащий. И христиане входят и участвуют в этой победе. Так они не отвлеченно, а практически решают проблему зла. Вопреки эмпирии, они верят, что не зло, а добро есть основание и начало всего. И эмпирия им подчиняется. Так же, как она подчинялась Христу, когда Он воскрешал мертвых, исцелял больных, давал слепым прозрение, когда, наконец, Он Сам воскрес. Сия есть победа, победившая мир, вера наша. Вера в Бога, в то, что любое творение, в том числе человек, имеет богоданную добрую природу. А неверие во все это есть поражение современного человечества, поражение перед лицом падшего мира, подчинение ему во всем.

Кроме этого, то зло, которым, как правило, ужасаются современные люди и которого они не могут «простить» Богу, — это зло внешнее — войны, убийства, смерть вообще, болезни и т.д. И все это действительно есть зло. Однако величайшим откровением христианства является то, что есть зло по

преимуществу, зло, на которое нужно обращать внимание в первую очередь — это грех, страсть. Зло внешнее, как правило, от нас не зависит, оно просто есть. Мы можем только максимально избегать его, а, если оно все же приходит, терпеть. Но вот зло внутреннее — оно действительно зависит только от нас. Мы можем разгневаться на другого человека, а можем не гневаться на него и т.д. И вот для христианина главным становится вопрос не о внешнем зле — это для Иванов Карамазовых — а о внутреннем. Потому что именно за эту сферу мы и несем ответственность. Весь путь христианина — это путь борьбы со злом в себе, борьбы, которая не увенчивается успехом без помощи Бога. И здесь уже не остается места ни для каких сомнений в праведности Бога и в том, что все зло, которое есть в мире — от человека, от меня.

2.4. Бог-Творец и человек-творец

Совместимы ли они? Западное средневековье разрушали под лозунгом освобождения творческой энергии человека. Сегодня считается, что религиозная традиция – в частности, христианство – сковывает творческую активность человека. Подчиняясь традиции, он теряет возможность сказать что-то новое, ведь все главные моменты – в мировоззрении, образе жизни, а часто и в религиозном искусстве – уже определены. Однако задумаемся сначала о тесной связи, существующей между догматом о творении мира и представлением о том, что человек есть творческое существо. В других концепциях происхождения мира, – а именно в пантеистической (потому что никакой другой «другой» нет) – мир есть порождение Бога, Сам Бог. Мы сейчас не будем критиковать эти концепции (ясно, что они радикально противоречат христианской), только отметим, что в них нет идеи творения. Это не может не накладывать отпечаток на понимание человеком самого себя. Да, в цивилизациях, в которых господствовали(ют) пантеисти-ческие религии есть творчество (просто потому, что человек объективно творческое существо) и, все-таки, глубокое осоз-нание творческой мощи человека имеет место только в христи-анской цивилизации. И причина этого – догмат о творении. Бог – Творец. А если человек является образом Бога, то он, безусловно,

получает от Бога и эту Его черту – творчество. Хотя, конечно, это творчество намного меньшего масштаба.

Что же это за творчество? В нашем представлении творчество – это бессонные ночи в поисках вдохновения, творческие кризисы и т.д., то есть то, что понимается под культурным творчеством. Но в этом стереотипе упускается важнейший момент – получается, что все люди, не имеющие отношения к такого рода творчеству, творцами не являются. Безусловно, это не так. Каждый из нас, как это ни банально звучит, есть, прежде всего, творец собственной жизни. И это творчество является главным, доминирующим. Мы читаем книги и смотрим картины тогда, когда мы хотим немного отдохнуть от «стремительного бега» жизни. Но эта жизнь – наше творчество, по крайней мере, возможность для него. Такое творчество и сближает нас больше всего с Богом, во всяком случае, потенциально. Христиане понимают творчество своей жизни как, прежде всего, спасение, приближение к Богу, уподобление Ему (отсюда название святых, просиявших в монашеском чине – преподобные, то есть, уподобившиеся Богу). Нельзя думать – особенно самим христианам (что случается), что спасение, движение к Богу есть нетворческий процесс. Такое отношение к спасению - фарисейство. Такие люди думают, что они движутся проторенной дорогой канонов и установлений, в конце которой их «100%» ожидает выйгрыш. Это упрощающее мышление. Как мы уже говорили, Бог есть тайна, и спасение каждого конкретного человека есть тайна, таинство, встреча. Спасение как творчество – что это означает? Это, безусловно, не означает какого-то легкомыслия, дерзости и т.д. Это означает проживание этой жизни как данной Богом, творимой для Бога и ближнего, постоянно обновляемой благодатью Духа Святого. Кажется, что человек «ничего не творит», он «просто» очищает свое сердце от греха, готовит место для Бога, возвращается к своей богоданной природе, отрекаясь от «наростов» ветхого человека на душе. Но при этом сам человек наполняется мощной духовной энергией, которая изменяет его жизнь, жизнь окружающих людей. И, по сравнению с этим, культурное творчество кажется уже чем-то второстепенным… Хотя, впрочем, мы не говорим о его обесценивании, а о его реальном месте в иерархии человеческого бытия. Таким образом, и проблема «скованности традицией»

приобретает другой смысловой оттенок. Традиция православия не закрывает от нас Бога, а открывает Его. Другое дело, что Бог не сводится к традиции и поэтому возможно ее обновление. В целом, может ли творчество существовать без определенной традиции? Конечно, не может. Есть, например, традиция авангардизма, традиция нигилизма, традиция антитрадиционализма и т.д. Все это связано с тем, что творчество (в узком смысле слова) – это есть средство выражения определенного духовного состояния. Иконописец выражает опыт богообщения, авангардист – опыт «пострелиги-озного человека» XX в. Странно было бы, если бы человек, имеющий (пусть минимальный) опыт богообщения и захотев-ший стать иконописцем, не оглянулся бы на пройденный ико-нописью путь. Так же как и «пострелигиозный» творец, нап-ример, начала нашего века, тоже нашел бы что-нибудь «свое» в авангардистской живописи XX столетия. Творчество сущест-вует только внутри духовного опыта. Поэтому слова о скован-ности традицией, подразумевающие, что возможно творчество без традиции, — это просто антирелигиозная пропаганда.

Глава III. ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

1. Человек – образ Божий

1.1. Ценность человека

Когда однажды автор этого текста задал на экзамене вопрос студентке (светского ВУЗа) о том, что такое образ Божий, она надолго задумалась и только после нашей подсказки – что отличает человека от животного? – она начала более или менее успешно отвечать. Действительно, если говорить коротко, образ Божий в человеке – это то, что отличает его от животных, что делает его собственно человеком. Сегодня эта граница между человеком и животным миром (сознательно) стирается. Гипотеза Дарвина о происхождении человека из обезьяны, неподтвержденная позднейшими антропологическими исследованиями, тем не менее, «маячит» где-то на заднем плане сознания современного человека. Вроде как никто уже не заставляет нас верить этой гипотезе, но для многих (неверующих) она все равно остается, пусть слабым, ориентиром в этом вопросе. Библейский рассказ о сотворении человека сообщает нам, что **только человек –** не животные и даже не ангелы, не говоря уже об остальной природе – сотворен по образу и подобию Божию.

Философские теории в отношении человека меняются быстро, и представляют собой самые разные версии решения этой проблемы, но вот христианство уже 2000 лет непоколебимо утверждает истину о духовном достоинстве человека. В современном мире принято говорить о правах и свободах человека, о том, что человек – это высшая ценность (такие слова есть, например, в российской Конституции). Но вот что не принято – задаваться вопросом о том, на каких метафизических основаниях делаются заявления об этой ценности человека. Мы знаем, что исторически Декларации прав и свобод «выросли» из протестантского основания. Например, Д. Локк, идеи которого и стали источником Деклараций, писал, что каждому человеку даны права от Бога. Такие слова есть и в американской Декларации. Но в ходе исторического развития эта ссылка как-то затерлась. Никто сейчас не воспринимает экспансию Запада – в идеологическом плане – как религиозную. Эта экспансия

идеологии прав и свобод человека, по сути, секуляризованной. Но тогда появляется означенный выше вопрос – почему я должен ценить человека? Ответа на данный вопрос у современной цивилизации нет. А у христианства есть. Мы должны ценить человека потому, что он есть творение Божие, кроме этого, высшее творение – образ Божий, и, наконец, потому, что мы сами являемся людьми, а значит, каждый человек – наш брат.

Скажут, что все это «и так известно». Да, на уровне просто чувства это известно всем, но христианство утверждает это догматически, духовно-мировоззренчески и это чрезвычайно важно. Почему? Да потому, что, например, рыночная идеология, распространяемая сегодня Западом же, далеко не во всем сочетается с этой идеей высокой ценности человека. Современный человек смутно «чувствует», что другой человек – его брат, но в реальной жизни он может убивать и продавать этого брата. Христианство же останавливает этого человека словами об образе Божием и заповедью о любви к ближнему.

1.2. Свобода

Свобода называется Св. Отцами Церкви одним из важнейших черт образа Божия в человеке. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нужно «пересчитать», какие имеются виды свободы в человеческом бытии.

1. Свобода, которую можно назвать природной (для человека), принадлежит всем людям. Это элементарная черта человеческого бытия – человек решает, куда ему идти, когда ему есть и т.д. Сюда же входит и важнейшая свобода выбора между добром и злом, между Богом и дьяволом. Само по себе наличие этой свободы еще не означает «спасенность» или «неспасенность» человека. Безусловно, этой свободы нет у животных, она есть неотъемлемая черта образа Божия в человеке.

2. Свобода, связанная с социальными, политическими, экономическими условиями. Фактически, этот вид свободы «придуман» (вернее, он стал объектом пристального общественного внимания) только в Новое время и носит весьма относительный характер, хотя и неправильно совсем исключать его из поля зрения. Говорят, что человек свободен в том смысле, что он менее зависим, чем другие члены общества – зависим от власти, от самого общества в целом. Здесь свобода сведена к

высокому экономическому или политическому статусу. С этой точки зрения, свободен, например, миллиардер. Хотя, строго говоря, его «свобода» является очень относительной. В отличие от первой и третьей (см. ниже) свобод, эта является абсолютно зависимой от внешних обстоятельств, причем не только социального характера, но и, например, природного – всем ясно, что богатство – это социальный феномен (богач в (необитаемой) пустыне со всеми своими деньгами ничем не будет отличаться от бедняка).

3. Духовная, настоящая свобода. В сущности, этот вид есть как бы позитивная реализация потенций первой свободы. Человек выбрал Бога и выбирает Его всю свою жизнь, каждый день, отрекаясь от зла, борясь со страстями. Об этой свободе говорил Христос как о свободе от греха. Это абсолютная свобода для человека, потому что ничто внешнее не может помешать ему реализовывать данную свободу. Его могут посадить в тюрьму, послать на войну, он может пережить горе в личной жизни и т.д., но все это – хотя и с трудом – преодолимо внутри духовного опыта. Только смерть человека прервет его духовное возрастание на земле и переведет в совершенно другой план бытия.

Духовная свобода возвращает человеку самого себя, свою природу, потому что грех и страсть – это искажение богоданной доброй природы, ветхий человек – это как бы пародия на настоящего человека. Естественно, все другие типы свободы – особенно второй – кажутся бледными, по сравнению с этой свободой. Собственно, в понимании православия личность – это человек, обретший, в той или иной степени, эту свободу во Христе. Степень эта может быть разной у разных людей. Эта свобода – есть Сам Христос, Его Жизнь, к Которой приобщается христианин. Все притчи Христа о Царствии Небесном – об этой свободе. Она есть та жемчужина, найдя и желая приобрести которую, купец идет и от радости продает, все что имел. Здесь говорится о человеке, нашедшем путь этой свободы и с радостью отказывающемся от всего своего «греховного богатства». Также эта свобода – зерно горчичное, которое, когда его сажают, является маленьким и незаметным, а когда вырастет – то превращается в огромное дерево, в ветвях которого укрываются птицы небесные. Здесь говорится о духовном опыте человека жизни во Христе, обретения Христовой свободы. Сначала это

какой-то небольшая часть жизни человека, но, по мере его духовного роста, вся душа человека становится Христовой, превращается в прекрасное духовное древо, в котором укрываются и поют птицы – способности человека, другие люди.

К сожалению, современный мир выдвинул на первый план вторую свободу, абсолютизация ценности которой не обоснована, и совсем забывает о третьей, настоящей свободе.

1.3. Разум

Разум, ум – еще одна из важнейших способностей человека, отличающих его от животных. Даже марксисты признавали, что сложнейшие построения в природном мире, – например, муравейник – тем не менее, на порядок ниже любого человеческого построения, потому что человек – в отличие от природных субъектов – сознательно проектирует свои постройки, и сложные, и простые. Слово «разум» у религии «отобрали». Почему-то в постсредневековую эпоху религия относится к сфере «иррационального», «неразумного» и т.д. Ученые атеистического толка находят в книге Ветхого Завета «Премудрость Соломона» элементы «рационализма», как бы противопоставляя их всей христианской «иррациональной» традиции. Но такой подход - проявление безграмотности. Мы можем сказать, что разум восхвалялся в христианстве всегда, другое дело, что понимали под этим разумом нечто отличное от того, что понимают теперь.

В той же книге «Премудрости Соломона» сказано, что ее начало – страх Господень, что, кстати, не любят обсуждать выискиватели «рационализма» в Библии. Так же, как и в теме свободы, мы можем выделить «разум вообще», присущий всем людям в силу их природы, – когда они, например, считают деньги – и особый разум, настоящий разум, который является частью духовного опыта человека. И это так же есть позитивная реализация потенции разума, которая дана всем.

В чем же она заключается? Говоря просто, в приобщении к «разуму» Бога. Безусловно, слово «разум», в данном случае, - это несовершенное катафатическое понятие, но нам приходится им пользоваться. Собственно, Бог и не скрывает от нас глубины Своей Премудрости. Наоборот, Он их открывает, хотя мы и недостойны этого, – в Священном Писании. Откровение сообщает нам смысл нашей жизни, смысл истории всего

человечества и дает возможность соотносить свою реальную жизнь с этим смыслом, насколько она ему соответствует (чаще всего – нет).

Неверно утверждать, что верующий человек не занят познанием. Вся его жизнь есть познание воли Божией и себя самого. Но это особое, духовное, покаянное познание. Разум в условиях светской культуры только растрачивает свои силы, не понимая, во имя чего он должен действовать. Как характерен для этой культуры образ утонченного интеллектуала, высокообразованного человека, знакомого со многими философскими и прочими гуманитарными теориями, и… не знающего, зачем он вообще живет. Его высокоразвитый ум не может ничего сказать по этому поводу. В итоге, жизнь этого человека превращается в пустое путешествие, перманентный поиск неизвестно чего, цинизм и нигилизм, разъедающие его душу, и т.д. Как часто такие люди делают кумира из науки или искусства, так и не открыв для себя возможность рискованного духовного полета к Богу.

С другой стороны, нужно заметить, что стяжание духовного разума – «ума Христова» (св. ап. Павел) – это тоже не одноактный процесс, это развитие, постоянное движение к Богу. Высшей ступенью в этом движении, возможной на земле, является непосредственное общение с Богом и «узнавание» Его воли об определенной проблеме, человеке. Это уже уровень святых. Например, преп. Силуан Афонский (20 в.), когда к нему обращались с каким-то вопросом, молился Богу, желая узнать Его волю, и узнавал ее. Однажды один человек (англичанин) усомнился в решении Силуана, сказав, что старец – это не оракул. На это Силуан сказал, что тот очень низко ценит его молитвы. Это была, безусловно, не гордыня, а уверенность в том, что Бог открывает Свою волю.

1.4. Любовь

Способность к духовной, всеобъемлющей любви – также одна из черт образа Божия в человеке. Говорить о любви следует, скорее, «от противного». Мы все живем в «условиях нелюбви», причем настолько привыкли к этому, что не всегда до конца осознаем. Сама современная цивилизация институционально сформирована так, что она существует по «законам нелюбви».

Жизнь людей все более обращена на себя, все более индивидуалистична, скорее, по факту, чем по идеологии (а часто и по идеологии). У простого человеческого общения появились очень сильные конкуренты – СМИ, потребление. Казалось бы, и в СМИ работают люди, они создают информацию, другие люди выступают в качестве объектов и субъектов информирования и т.д. Тем не менее, формируется какой-то совершенно особый информационный мир, который является человеческим только наполовину. А наполовину – техническим. В этом можно видеть проявление прогресса, но можно увидеть и другое – бегство людей друг от друга. Люди разучиваются жить и быть вместе, лицом к лицу, они уже разучились. Люди воздвигли между собой технологические, потребительские стены. Неудивительно, что эти процессы сопровождаются развитием неврозов, депрессий, увеличением количества самоубийств и т.д. Ведь любовь – к Богу и ближнему – есть смысл бытия человека, закон его «онтологии», отступая от которого человек теряет бытие.

Очень характерен здесь пример немецкого философа-«имморалиста» Ф. Ницше. Показательно, что Ницше был мизантропом, не любил людей, относился к ним с презрением, свысока, ненавидел «толпу». И хотя христианство тоже не жалует массовую культуру, но это принципиально другое отношение: христиане безумно жалеют людей, питающихся «свиными рожками» современных ценностей, а Ницше, тоже в какой-то степени осознавая это, презирает этих людей. Ницше сошел с ума потому, что он замкнулся на себя, «перегрелся», не вышел к другому. Ницше остался в тех «страстных стенах», которые отгораживают человека от других людей.

В рамках православной традиции, любовь – это не этическая, а онтологическая категория, то есть это глубинное духовное состояние человека, которое меняет его душу, тело, окружающую атмосферу, людей вокруг него. Любовь – это то «дно», в которое «упирается» подвижник; «опустившись» на него, он понимает, что весь его предшествующий духовный опыт есть только подготовка к любви. Из любви Бог создал мир и человека. Из любви Он послал Сына Своего Единородного для спасения мира. Вот к этой Божественной любви и приобщается подвижник. И он, конечно, уже по-другому смотрит на перечисленные события и на всю свою жизнь.

Любовь – это то, что заполняет душу христианина после ее очищения от страстей. С другой стороны, нельзя путать эту духовную любовь, заповеданную Христом, и земную любовь, даже самую невинную, например, к родителям. Безусловно, эта любовь имеет право на существование, но она локальна, так же как и другие земные «любови». Тогда как Христова любовь универсальна, она в каждом видит брата, она не знает что такое «чужой человек» и т.д. В глубине нашей души и скрывается именно такое представление о настоящей любви, но наше дело – до него «докопаться», открыть его, освободить от ига страстей. Для человека свойственно любить каждого другого человека, и если этого не происходит, то он страдает.

Но здесь речь идет все о людях, однако первая заповедь любви – о любви к Богу. Не всегда понимают, что это значит. Выше говорилось, что мы должны каждого человека принимать как брата. Так вот и Бога мы должны принимать как Брата, тем более что Он Сам открыл нам эту возможность. При этом Бог должен в нашей любви быть на первом месте, а человек – на втором. Любить Бога – значит творить Его волю, Его заповеди, искать Его премудрости, Его видения происходящих событий и т.д. Бог – наш Отец, Брат, Он постоянно о нас заботится и нужно видеть эту заботу даже в событиях, которые земному разуму кажутся отчаянными.

Итак, мы рассказали о трех основных проявлениях образа Божия в человеке, основных, но не единственных. Читатель заметил, что всегда речь шла о духовном преодолении ветхого человека – в духовной свободе, в «уме Христовом», в истинной любви к Богу и человеку. Здесь можно вспомнить, что некоторые Отцы учили, что нужно различать образ и подобие Божие. Образ – это духовные зачатки в человеке, а подобие – реализация данных зачатков. Цель человека в том, чтобы стяжать это подобие, чтобы образ не пролежал в его жизни мертвым грузом.

Итак, из персти и дуновения создан человек — образ Бессмертного; потому что в обоих царствует естество ума. Посему, как земля, привязан я к здешней жизни, а как частица Божественного, ношу в груди любовь к Богу и к жизни будущей, вечной».[1] По Своей природе Бог является Всесовершеннейшим Духом, а поэтому образ Божий в человеке нужно видеть в

[1] Епископ Феофан. Душа и Ангел. – М., 1913. С. 63.

свойствах его души — разуме, чувстве, воле и в бессмертие ее (души). Этими свойствами души личность человека была возвышена над всем неорганическим и животным миром.

2. Особенности христианской антропологии

Одним из важнейшим пунктов христианской антропологии является учение об **однократности человеческого бытия**. Это положение христианского богословия прямо вырастает из понимания человека как единого целого. С учением об однократности человеческого бытия неразрывно связан догмат неповторимости искупительной жертвы Христа. Н.А. Бердяев говорил в этой связи: «Исключительная историчность и динамичность христианства связана прежде всего с тем, что центральный факт христианской истории — явление Христа — есть факт однократный и неповторяемый, а неоднократность и неповторяемость есть основная особенность всего «исторического».[1]

Человеческая жизнь — это единая и однократная история тела, души и духа от их одновременного сотворения до вхождения в Царство Небесное (или в ад) опять-таки вместе. В Евангелии прямо сказано о том, что жизнь дается человеку всего один раз: «*Христос… однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею. И как человекам положено однажды умереть, а потом Суд, Так и Христос, однажды принесши Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение»*.[2]

В этом отношении, не имеют никакого основания попытки (предпринимаемые, в частности, рериховцами) «обосновать» языческое учение о «переселении душ» через христианство.

Важным положением христианской антропологии явилась **идея единства человечества**. Евреи были единственным древним народом, который возводил свою историю к единому предку — Аврааму, а через него — к Адаму. Более того, это предание, столетиями передававшееся из поколения в поколения, с XIII в. до Р.Х., после освобождения из египетского плена было

---

[1] Бердяев Н. А. Смысл истории. С. 84.

[2] Евреям. 9, 24 - 28.

письменно оформлено Моисеем в первых пяти книгах Ветхого Завета. В христианстве идея национального единства трансформировалась в идею кровного родства всего человечества. Святой апостол Павел, проповедуя эллинам в Ареопаге, указывал на единство человечества как на одно из важнейших положений христианской веры: «*От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив преопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас…*»[1]

Более того, христианство самим фактом своего существования способствовало распространению идеи единства человечества. Ведь, возникнув на Востоке, в Палестине, христианство объединило мировой исторический процесс в одно целое.

Одним из центральных постулатов христианства является также мысль о поврежденности человеческой природы вследствие грехопадения и разобщенности всех составляющих элементов человека: тела, души и духа. Вследствие этого основная задача Мессии, Искупителя понимается как **восстановление связи между человеком и Богом,** утраченной Адамом и Евой вследствие грехопадения, восстановление первоначального образа Божьего в человеке. **Грех** — вот то, что разделяло долгие годы Творца и его творение и препятствовало восстановлению этой связи. Греховность человека не позволяла ему самостоятельными усилиями закрыть зияющую пропасть. Лишь только одно Божественное вмешательство могло здесь помочь. Восстановить связь мог только Сам Бог через прощение всех грехов человечества. Но прощение не могло произойти само по себе. Должен был быть кто-то, кто бы искупил грех. Им и стал ***Иисус*** (с евр. «Йешуа» — Спаситель) ***Христос*** (с греч. «помазанник») — ***Сын Божий,*** соединивший в Себе Божественную и человеческую природу. «*Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения*».[2] «*Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего единородного, дабы всякий верующий в Него не*

---

[1] Деяния, 17 : 26, 27.

[2] 2-е Коринфянам, 5 : 19.

погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир был спасен через Него. Верующий в Него не судится, а не верующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Сына Божия».[1]

[1] Иоанна, 3 : 16 – 18.

3. Содержание христианской жизни и цель бытия человека

Все согласны, что человек хочет счастья и что счастье есть цель, к которой он стремится, но согласие это, в сущности, мнимое и заключается лишь в слове «счастье», которое толкуется очень по-разному. Поэтому и понятия людей о цели жизни в высшей степени разнообразны. Одни полагают счастье человека в тех или иных материальных благах, другие — в чувственных наслаждениях (хотели бы видеть единственное счастье и украшение человеческой жизни вообще в половой любви — Байрон, Мопассан), третьи — в достижении власти, славы земной и т.д.

Но и здравый смысл, и опыт говорят о суете искания смысла и цели жизни во временном и условном бытии. Ветхозаветный мудрец, решая вопрос: «В чем можно найти на земле высшее благо?» — указывает на собственный опыт: как он искал счастья и в знании, и в удовольствиях, и в прихотях роскоши; и убедился, что мир изменчив, и всё, чем люди прельщаются в этой жизни, не более, как вымысел беспокойного духа. Все — суета сует и томление духа. «Одно, — заключает проповедник, — надлежащим образом утешает человека и доставляет ему мир и радость: богобоязненность и соединенное с ней исполнение заповедей Божиих» (Екклесиаст).

Только вечное, бесконечное и абсолютное Бытие может дать непреходящий истинный смысл и содержание для человеческого духа с его бесконечными стремлениями, то есть последняя цель и высшее благо человека. Эта цель может быть осуществляема лишь через деятельное богоуподобление и через постоянное и тесное общение человека с Богом. Предел нравственного совершенствования для христианина бесконечен.

Указывая на постоянное и беспредельное совершенствование, Господь еще в Ветхом Завете говорит: «Будьте святы, как Я свят», в Новом Завете Он, выражая эту же мысль, говорит: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», — вот предел нравственного совершенствования для человека.

Блаженный Августин говорит: «Бог есть Источник нашего блаженства; Он есть цель всех наших стремлений... Мы стремимся к Нему любовью, чтобы, когда достигнем, нам успокоиться. Постольку мы и блаженны, поскольку достигнем сей цели. Другого блага у нас нет никакого, кроме того, чтобы соединиться с Богом» (Светлов, стр. 596). В «Исповеди» он же говорит: «Ты сотворил нас для Тебя Самого: потому и мятется наше сердце, пока не обретет Тебя» (Гл. 1). Осуществление евангельских начал правды и любви проявляет Царство Божие уже здесь, на земле, но полное вхождение в это Царство связано с загробной жизнью и концом этого мира.

Земная жизнь должна быть приготовлением к вечности, началом жизни будущей в Царстве Отца Небесного, когда «Бог будет всяческая во всех» (Кор. 15, 23). Признанием такого смысла временной жизни не отрицаются мир и земная жизнь, но, напротив, им только и утверждаются; ибо временное без вечного, земля без неба теряют всякий смысл и ценность для людей, способных мыслить и чувствовать. Итак, Бог, слава Божия есть высшая и последняя цель человека, и поскольку она конкретно осуществляется в деятельной любви человека к Богу, в служении Ему и ближнему, то не в себе самом, не в своем эгоизме он должен видеть свое назначение и цель своего бытия, а в Боге.

3.1. Понятие о грехе

Грех, как убеждает нас в том Священное Писание, ведет свое начало от дьявола: «*Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил*» (1 Ин. 3, 8). «*Грех есть беззаконие*» (1 Ин. 3, 4), — говорит святой апостол Иоанн Богослов. Грех есть единственное препятствие общения человека с Богом. Он удаляет нас от Бога и разрушает гармонию нашего бытия. Грех — источник всякой вражды и всех нестроений. Грех есть зло всех зол, так что чрез него самая жизнь перестает быть достойной того, чтобы жить ею. Как только грех овладевает сердцем человека, так сразу же человек входит в противоречие с самим собой, с окружающим его миром и с Богом.

Наконец, грех является причиной многих болезней и самой смерти. По учению Откровения, «смерть грешника люта» (Пс. 33, 22). Душа, страшась своего Творца, от Которого она далеко уклонилась, но Которому она должна по разлучении с телом

предстать, с трепетом и страхом оставляет свою храмину — тело. Человек, очищая себя от греховной скверны и созидая — с помощью благодати Божией — Царство Божие внутри себя, постоянно должен в течение всей своей земной жизни памятовать о спасении. Очищение человека от греха и его спасение возможно только в основанной Христом Церкви.

3.2. Понятие о спасении

Спасение человека совершается не действием только Бога Искупителя и Освятителя, но и собственными усилиями человека, ибо человек является разумно-свободным существом. Спасение есть, прежде всего, очищение человека от греховной скверны — достижение им святости, нравственное его обновление. Без нравственного возрождения Царство Божье доставило бы человеку мучение, а не блаженство, ибо в душе его не было бы ничего сродного с благами Царства Божьего. Но нравственное обновление человека невозможно без возрождения водой и Духом (Ин. 3, 5). Вне Церкви и без помощи Божественной благодати одними человеческими силами невозможно «*…отложить прежний образ жизни человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины*» (Еф. 4, 21-24). Без помощи Благодати не может и возрожденный соделывать свое спасение. Эта Благодать обитает в Церкви, и Церковью она сообщается в видимых средствах — таинствах.

Итак, только святая Церковь и обитаемая в ней благодать Божья помогают человеку освободиться от греха и идти по пути духовного совершенствования ко спасению.

Все в православной Церкви, догматы, таинства, каноны, богослужения с чтением слова Божьего, обряды, молитвы, песнопения, — все направлено к духовному воспитанию человека, к его победе над грехом.

3.3. Понятие о Символе веры

Все необходимые для нашего спасения истины православной веры в сжатом и сокращенном виде заключаются в Символе веры. Слово «*символ*» происходит от греческого

глагола, который в переводе означает «вместе бросаю», «сливаю» и имеет два значения:

а) «склад», «собрание»;

б) «знак».

В первом смысле этим названием указывается на содержание Символа веры; во втором — на то, что Символ веры служит вернейшим признаком и указанием, к какому кто принадлежит вероисповеданию.

3.4. Понятие о вере и благочестии

На вопрос: «Что такое вера?», мы отвечаем словами св. апостола Павла: *«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»* (Евр. 11, 1), то есть уверенность в невидимом, как бы в видимом, и в желаемом и ожидаемом, как бы в настоящем. Вера является одним из источников наших познаний и убеждений. Все сведения приобретаются человеком двумя путями: то, что у него находится перед глазами, он может рассматривать непосредственно, — а о предметах, выходящих из горизонта его непосредственного наблюдения, он может получить сведения только от других людей. Сведения первого рода, получаемые самим человеком непосредственно, называются знанием; сведения, приобретаемые через посредство других, можно назвать верой.

Различие между знанием и верой Катехизис определяет следующим образом:

1. Знание имеет своим предметом видимое и постигаемое, а вера — невидимое и даже непостижимое;

2. Знание основывается на опыте или исследовании предмета, а вера основывается на доверии к свидетельству истины;

3. Знание принадлежит собственно уму, хотя может действовать и сердце; вера принадлежит преимущественно сердцу, хотя начинается в мыслях. Но вера определяется не только нашей уверенностью в невидимом, как бы в видимом (это определение веры с внешней стороны), вера, по словам св. апостола Павла, является даром Божьим, и этот дар надо постоянно в себе согревать.

Вера, по своей сущности, есть духовная сила, проникающая все стороны внутренней жизни человека. Она присуща всем силам души: уму, сердцу, воле. Вера направляет человека к Существу Бесконечному, Абсолютному, т.е. являет всецелое обращение ума, сердца и воли к Богу. При постоянном и деятельном устремлении человека к Богу происходит благодатное просвещение духа человеческого Духом Божиим, или таинственное, мистическое единение конечного с Бесконечным. Глубокая и сердечная вера проявляет себя в искреннем доброделании и благочестии, то есть высоконравственная и святая жизнь является внешним деятельным выражением веры человека. Молитва, многочисленные дела духовной и телесной милости, словом — всё благочестие человека (ибо, по словам св. Златоуста, различен милования образ и широка заповедь сия) неотделимы от его глубокой и искренней веры. Только такая вера оправдывает человека и приводит его ко спасению — «*вера без дел мертва*» (Иак. 2, 20).[1]

3.5. Совершенство ума первозданного человека

Блаженный Августин говорит, что ум ***Адама*** (с древнееврейского — *красный камень, красная глина, мужчина, мужское начало, человек*) по своей силе и быстроте был настолько выше величайших из известных человеческих умов, насколько птица быстрее черепахи. По мысли Отца Западной Церкви, даже и это сравнение является слабым и недостаточным.

О великой силе ума нашего прародителя говорит Откровение. По повелению Творца, Адам нарекает «*имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым*» (Быт.2,20).

В древности знание имени отождествлялось с обладанием знания сущности объекта и власти над ним, поэтому наречение имен показывает в праотце глубокий ум, который быстро проникал в сущность и свойства всех тварей. По свидетельству Августина Аврелия, в наречении имен и античная мудрость видела явление великого ума.

Великому эллину ***Пифагору*** (ок. 585-500 гг. до н.э.) принадлежит изречение: «*Тот был мудрейший из людей, кто*

[1] О необходимости веры и Священного Предания см. Катехизис. Изъяснение членов Символа веры см. Катехизис.

первый дал названия вещам». Адам, возделывая рай, должен был идти по пути дальнейшего развития всех своих духовных и физических сил. Путь нравственного совершенствования Адама являлся легким и светлым, то есть без тех скорбей и трудов, которые стоят на пути его потомков.

3.6. Чистота сердца первозданного человека

Ни одна нечистая мысль, ни одно нечистоте желание не возмущали светлого внутреннего состояния праотца. В душе невинного человека не было внутренней брани. Его сердце наполняли совершенный мир и спокойствие, низшие силы первозданного человека были в мирном и полном подчинении владычествующей силе ума. Откровение говорит: «*И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились*» (Быт. 2, 25), ибо стыд, по мысли многих богословов, есть нравственный страх при виде или при представлении какого-нибудь недостатка, несовершенства, нестроения. Еще в древности говорили, что стыд есть особого рода покаяние.

«Нагота, говорит ***проф. Л.Г. Левистский***, чуждая стыда, есть совершенное неведение зла, не только отсутствие действительных недостатков и несовершенства, но отсутствие и самой мысли о них».[1]

3.7. Свобода воли первозданного человека

Бог, по благости Своей, при сотворении человека дал ему свободную волю, естественно расположенную любить Бога и расположенную более к добру. Ко злу в природе первозданного влечения не было. Первозданный был свободным существом, ибо он создан по образу Божьему — безусловно свободного Высочайшего Духа.

Победная и разумная душа не только составляет отличительную принадлежность человека по сравнению его с другими земными тварями, но и составляет существо самой личности человека, существо человечного духа.

Ум, чувство и воля первозданного человека были совершенно согласны с нравственным законом, с высочайшей и всесвятой волей Божьей. Имея и чистую безгрешную телесную природу, Адам легко мог пребывать и преуспевать в добре, и,

[1] Премудрость и благодать Божья. С. 99.

таким образом, идти по пути большего нравственного совершенствования, по пути Богоуподобления. Из Откровения известно, что Творец являлся прародителям, беседовал с ними и вводил их в истины, дотоле неведомые им. Сам Творец вводит первозданного человека в рай, Сам дает заповедь «*возделывать его и хранить его*», Сам приводит к Адаму жену — ***Еву*** (с древнееврейского «хава» — *женское начало, женщина, жизнь,* Быт. 2, 15, 22), Сам приводит к нему всю бессловесную тварь (для наречения имен, Быт. 2, 19). Господь Бог, обращаясь, говорит: «*Адам, где ты?*» и т.д. Что может быть большего для твари, как созерцать своего Творца, Бога и Промыслителя?

Человек, по мысли святых отцов, наслаждался сладчайшим созерцанием Бога. Все это было следствием его невинности, безгрешности и чистоты.

Чувствуя в мире живое присутствие Бога, первозданный человек сознавал и свои обязанности перед Творцом — неизменно сохранять первобытную красоту всего создания Божия. Он должен был всеми силами стараться соответствовать поддержанию в природе того совершенного порядка жизни, в котором он ясно видел печать Божественной силы и премудрости (Быт. 2, 16). Ничто живое тогда не испытывало никаких страданий, скорбей и печалей. В то блаженное время — время непосредственного общения человека с Богом, память о котором сохранилась почти у всех древних народов как о золотом веке, человек умел довольствоваться всем тем, что требовалось для поддержания телесных сил. Первозданный человек не думал о сооружении жилища, он прикрывался лишь тенью райского сада, плодами которого он питался. Весь животный мир и вся природа были покорны Адаму и всячески ему содействовали, ибо вся первозданная природа в самом начале видела в человеке не эгоистического и злого царя – завоевателя, а лишь доброго хранителя и устроителя своего. Весь мир для жизни первозданного человека не был каким-то источником зла, но являлся необъятным храмом, в котором он созерцал Всемогущего Бога. В мире царила полная гармония и блаженство.

4. Грехопадение и его последствия

Райское блаженство первых людей и, вследствие этого, совершенство созданного мира, было непродолжительным. По мнению многих святых отцов и учителей церкви, за величественной историей миротворения последовала другая, печальная история — грехопадения. Наступил страшный день — день падения прародителей. Не только многочисленные благодеяния Творца, но и угроза, и страх смерти не остановили Адама и Еву.

Священное Писание об этом моменте повествует так: «*Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела, и дала также мужу своему, и он ел*» (Быт. 3, 1-6).

Вот — объяснение вечного вопроса; вот где начало человеческих скорбей, страданий, болезней, всякой суеты и самой смерти. Верховное мироправление нарушено произволом человеческой воли. Полная гармония мироздания нарушена грехом. Прародители, нарушив заповедь Творца, сразу же почувствовали в себе что-то новое и страшное, чего ранее не ощущали.

Рационалистическое, рассудочное сознание современных людей не может мириться с Богооткровенной истиной. Многие рационалисты спрашивают: «Что такое сделали прародители и чем погубили себя и все свое потомство? как могло Божественное правосудие, по их мнению, за незначительное преступление вынести суровое наказание и самую смерть?» Священное Писание учит: «*Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, то становится виновным во всем*» (Иак. 2, 10). Нарушив одну заповедь, прародители нарушили весь нравственный закон, ибо в каждой частной заповеди, как и во

всем законе, выражается воля Божьего, которую разумно-свободная тварь для своего блага должна выполнять. Конечно, весь грех не в древе познания добра и зла, не в его плодах, ибо они сами по себе не имели никакой искусственной силы и вредного яда для человеческого организма, все дело — в послушании воле Творца. Хотя бы и не было запрещенного дерева, человек, возмечтавший стать равным с Богом («будете как боги») и независимым от Него, нашел бы и иное средство, которым бы обнаружил свое отпадение от своего Творца — Бога (вспомним падение части ангелов, — по христианскому учению, еще раньше падения человека часть ангелов возгордилась и отпала от Бога; этих отпавших ангелов принято называть бесами). На первый взгляд, поступок первозданного человека кажется детским, но внутри его открывается великая сила и неизмеримая глубина зла. «Пусть никто не думает, — говорит блаженный Августин, — будто грех (первых людей) мал и легок, потому что состоял во вкушении от древа. Заповедью требовалось послушание, такая добродетель, которая в разумной твари есть как бы мать и блюститель всех добродетелей».[1]

В «Добротолюбии» у многих святых отцов имеется замечательная аналогия: они учат, что орел считается среди пернатых господствующей птицей за свой величественный рост, могучую силу и широкий полет. Но если эта могучая птица хотя бы одним когтем зацепится за сеть, то она теряет всю свою величавость. Подобно этому и человек, если имеет хоть одну страсть или безнравственную привычку, то он теряет силу господствовать над собой и над окружающим миром.

---

[1] Один из богословов XIX века, рассматривая произвольный поступок первозданных людей, говорит о том, что не следует высмеивать незначительность преступления наших прародителей в Раю, ибо дело состоит в принципе, то есть в послушании и соблюдении положенного нравственного закона, а не в степени нарушения. Приводя пример из области физики, можно сказать, что, несмотря на то, что атомная бомба гораздо меньше по размеру артиллерийских снарядов, действие ее гораздо более ужасное. В биологии соотношение между нарушением закона и следствием этого нарушения еще сильнее. В духовной же жизни это соотношение во много раз сильнее (протоиерей Евгений Попов. Православное догматическое богословие. – Пермь, 1880, ч. 3, изд. 3, стр. 11).

Итак, грех первозданного человека был не таким уж и малым, каким считают его рационалисты. В одном своевольном поступке первозданных людей уже заключено множество грехов. Здесь, прежде всего, гордость, ибо прародители увлеклись обещанием змея — «*будете как боги*» (Быт. 3, 5), а гордость является сатанинским грехом. Здесь — и неверие, ибо они перестали верить Тому, от Кого получили свое бытие и все благодеяние.

Здесь и богоотступничество, ибо Адам и Ева склонились на сторону злого искусителя. Здесь — и хула на Творца и Промыслителя, ибо они представили себе Святейшее Существо завистливым. Здесь — и неблагодарность, и зависть, и кража. Здесь — и самоубийство, так как они знали последствия преступлениям *«смертью умрете»* (Быт. 3, 17).

В поступке прародителей заключается и человекоубийство, ибо вместе с собой они подвергли смерти все свое грядущее потомство.

Вот какое пагубное значение для первозданного и всего его потомства имело непослушание воле Творца. Бог весь рай, весь мир отдал человеку в его пользование и обладание, но жизнь и блаженство его не в мире, не в раю, а в Боге, в послушании Его премудрому водительству, в исполнении Его всесовершенной, всесвятой и благой воли. Человек не захотел идти путем простого послушания; он своим произволом отверг волю Творца и Промыслителя, отказался от Божественного водительства и, желая идти самостоятельно, оставил в стороне прямой указанный ему путь к совершенству.

Вместо одного добра первозданный человек пожелал отведать плодов добра и зла. Бог, не стесняя свободы первозданного, позволил ему идти дорогой, которую он сам избрал. По мысли многих святых отцов и учителей Церкви, Творец как бы сказал человеку: «Ступай путем, который ты избрал; ты (человек) много пострадаешь на нем. Но спасительных предначертаний Моих, с которыми Я создал тебя, Я не изменю». Бог приведет человека к этой цели творения. Человек, удалившись от Бога, пошел по пути зла, но не разрушил предначертаний Творца.

Таким образом, человек своим поступком, проявив своеволие, оказал противление воде Божией и уклонился от Божественного водительства.

Последствия грехопадения. Удаление прародителей от Бога

4.1. Духовная смерть

Прародители допустили произвол и потому изменились по своему психологическому состоянию и уже не могли находиться в прежних отношениях с Богом. Первоначальный союз взаимной любви между Богом и человеком разрушился. Для Адама и Евы стало страшно близкое присутствие Бога, и они решили скрыться от лица Божия (Быт. 3, 8). А удаление от Бога есть отсутствие всех добрых расположений души, веры, надежды, любви, сыновнего страха, повиновения. Человек теперь не может наслаждаться созерцанием Бога и райской жизнью. Выдающийся апологет II-III веков святитель ***Ириней Лионский*** говорит, что несчастные преступники желали убежать не от суда, не от наказания, а только от Лица Божия, ибо чувство присутствия Бога, несомненно, должно было увеличивать собой и без того немалые их душевные мучения. Испытывая страшные чувства виновности и стыда перед Богом за свое преступление, прародители, по мысли святого Отца, желали, чтобы Всеведущий Бог, зная об их преступлении, предоставил бы их самим себе, ибо не желали испытывать невыразимого страдания от возможной встречи с Богом.[1]

В своей девятой беседе «О том, что Бог не виновник зла» святитель ***Василий Великий*** проводит основную мысль, согласно которой только в Боге — жизнь. Всякое отчуждение от Бога есть несноснейшее зло, самое тяжкое для человека, как для глаза лишение света, или блуждание человека во мраке вечной ночи.

Прародители, чувствуя свою виновность, не могли уже более беседовать со своим Творцом. Но, несмотря на преступление наших прародителей, Бог не желает оставить их, и, обращаясь к Адаму, говорит: *«Адам, где ты»?* (Быт. 3, 9). Адам не смел показаться Богу и не мог сказать Ему правду о своем преступлении. Адам только ответил Всеведущему Богу, что он наг (Быт. 3, 10). Первозданный человек вполне сознавал свое

[1] Ириней Лионский. Против ересей. Кн. 3. Гл. 8. С. 5.

преступление, но сказать об этом Богу для него было мучительно тяжело, и, желая избежать этой муки, он в своем ответе Богу не высказал той главной причины, тяжесть которой он испытывал во всем своем существе. Но Всемогущий Бог ждал правды и потому обращается к нему с новым вопросом: *«кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?»* (Быт. 3, 11). Творец-Сердцеведец, зная, как трудно бывает грешнику осознать свои грехи, Сам называет его преступление. Но Адам, вместо чистосердечного раскаяния пред Богом, указывает, что виновна его жена, которую дал ему Творец. Подобным образом поступает и праматерь, обвиняя в виновности змея, который соблазнил ее (Быт. 3, 12-13). Прародители не умерли тут же физической смертью, они прожили на земле еще много лет. Но немного радости для преступника, если только отложен день его смертной казни. В тот же день они умерли духовно.

4.2. Помрачение духовных сил первозданного человека

В тот же день, разделивший Адама и Еву с Богом, были помрачены их духовные силы. У них зародилось лукавство, обман и, вместо смирения, — гордость, которая наполнила их души. Грех помрачил глубокий и проницательный разум первозданного. Откровение, сообщая об этом, говорит: «*И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая*» (Быт. 3, 8). Раньше, до падения, он, конечно, знал, что от Лица Божия скрыться никому нельзя.

Об осквернении и помрачении чистого и светлого чувства Откровение повествует: «*...И убоялся, потому что я наг, и скрылся...*» (Быт. 3, 10). До падения прародители не замечали своей наготы (см. пункт «Чистота сердца первозданного человека»).

Грехом была ослаблена и воля первозданного, ибо зло, вошедшее в природу человека с грехом, сделалось не только наследственным, но и господствующим в духовной природе всего ветхозаветного человечества. Человек стремился уже более ко злу, чем к добру. Господь о допотопном человеке говорит: «*Помышление сердца человеческого — зло от юности его*» (Быт. 8, 21).

4.3. Изменение материального (физического) мира

Нравственное зло, появившееся вследствие произвола человеческой воли, отразилось и на видимой природе, то есть в материальном мире появилось физическое зло. Приговор Господень суров и однозначен: «*…проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься*» (Быт. 3, 17-19).

Под бременем сего проклятия земля стала менее плодородной, стихии стали как бы враждовать между собой и против человека, многие животные вышли из повиновения ему и стали для него страшны и опасны, ибо они теперь видели в человеке не доброго хранителя и устроителя своего, а эгоистического и злого царя-завоевателя. По словам апостола Павла, это ненормальное состояние, в которое поставлена тварь грехом человека, для нее самой тяжело и обременительно: «*...вся тварь совокупно стенает и мучится доныне*»(Рим.8,22).

4.5. Телесная смерть

«*Бог не сотворил смерти*» (Прем. Солом. 1, 13), «*Бог создал человека для нетления*» (Прем. Солом. 2, 23). Условием этого бессмертия была праведность, ибо «*праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть*» (Прем. Солом. 1, 15). Причина смерти — грех, ибо Господь сказал: «*В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь*» (Быт. 2, 17).

В день грехопадения физические силы Адама и Евы были ослаблены и помрачены. Прародители почувствовали в теле слабость, а затем возникли и самые болезни, которые старили их и с каждым днем приближали к могиле. Стройная внутренняя гармония между душой и телом нарушилась. Душа и тело в первозданном вступили по грехопадении в столкновение между собой. Наконец, после всех этих потрясений и всяких вредных влияний произошел разрыв между душой и телом. Наступила смерть физическая, ибо тело должно возвратиться в землю, по словам Творца: «*ибо прах ты и в прах возвратишься*» (Быт. 3, 19), «*а дух возвратится к Богу, Который и дал его*» (Ек. 12, 17).

Итак, грех прародителей внес:

1) расторжение первоначального союза взаимной любви между Богом и человеком (духовную смерть);

2) помрачение всех духовных и физических сил в природе человека;

3) физическое зло, или искажение первобытной красоты и гармонии материального мира;

4) телесную смерть.

Глава IV. ЭККЛЕЗИАЛОГИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ

1. Ветхозаветная Церковь и обетование Пришествия Спасителя

Итак, первобытный религиозный союз Бога и человека был прерван произволом человеческой воли. Однако Творец, по Своей любви и милосердию, не оставляет падшего человека без Своего попечения и заключает с ним новый союз, дает ему благую весть и надежду на спасение. Бог обещал, что Семя жены сотрет главу змея: «*И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим, и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту*» (Быт. 3:15). Этими словами Бог говорит, что Его Единородный Сын — Христос Спаситель, победит дьявола, прельстившего человеческий род, и избавит его от греха, проклятия и смерти. Христос Спаситель в этих словах назван Семенем жены, ибо Он родился на земле без мужа от Пресвятой Девы Марии. Данным Первоевангелием Бог положил начало Ветхому Завету и вере в грядущего Спасителя, подобно тому, как мы веруем в пришедшего. Первоевангелие, данное Богом на заре истории человечества, неоднократно повторялось Им в течение почти всего Ветхого Завета в притчах, и чем ближе приближался срок исполнения божественного Обетования, тем яснее становились эти откровения и пророчества.

Таким образом, самый главный смысл Ветхого Завета состоял в том, что Бог обещал человеческому роду Божественного Искупителя и готовил людей к принятию Его через многие Свои Откровения. Избрав для сохранения истинной веры еврейский народ, Господь поддерживал в нем истинное богопознание и богопочитание сверхъестественными путями, чудесами, пророчествами, прообразами, поэтому в ветхозаветной религии содержится такое чистое учение о Боге, мире и человеке, которое неизмеримо возвышается над всеми языческими религиями. Евреи — единственный народ, который веровал в Единого Истинного Бога, видел в Нем Личный Дух, Существо Премирное, Творца и Промыслителя мира и человека, Существо Праведное и Святое, Которое и от людей требует святости и богоподобия. «Будьте святы, как и Я свят», — говорит Бог.

Таким же возвышенным характером отличается и учение ветхозаветной религии о человеке. Человек рассматривается здесь как разумная и свободная личность, созданная по образу Божию и призванная к богоуподоблению и святости. Но, вместе с тем, это — личность падшая, с поврежденной грехом природой. Она нуждается в оправдании и искуплении. Ожидание Искупителя и обетования о Нем составляют душу Ветхого Завета.

В противоположность низкой материи языческих религий нравственные законы ветхозаветной религии поражают своей высотой и чистотой. Любовь к Богу (Втор. 6, 4-5) и к ближнему (Лев. 19, 18) — вот две основные заповеди, которые составляют сущность Ветхозаветного Закона и до которых не мог возвыситься языческий мир. В то же время, и ветхозаветная религия еще не давала человеку всей полноты истины. По мысли видного исследователя данного вопроса, профессора архимандрита ***Платона (Игумнова)***,

> *«при рассмотрении вопроса воздаяния в Ветхом Завете следует обратить внимание на два принципиальных момента. Первый момент заключается в том, что представление о воздаянии соединялось с ожиданием земных благ. Ветхозаветные награды были, главным образом, вещественными, но даже тогда, когда они были духовными, например, близость к Богу, они прекращались со смертью. В царстве усопших умершие больше не могли воздавать хвалу Богу.*
>
> *Второй момент заключается в том, что воздаяние за преступление или за добродетельный поступок отдельного человека относилось в Ветхом Завете к целой общности людей. Источником этой идеи служил характер семейных отношений, но более важной причиной было то, что Бог избрал Израиль и заключил с ним Завет именно как с избранным и святым народом, а не как с отдельными личностями. Поэтому Бог мог наказать народ за грех одного человека и дать благословение и награду за личную праведность другого человека. Очевидный пример всеобщего наказания — история падения человека. Но есть много других подтверждений. Убийство, совершенное **Каином**, вызвало умножение беззаконий во всем его роде. Даже царь **Давид** своим прегрешением обрек*

своего сына, родившегося от незаконного союза, на смерть и свой царский род на беспрерывные войны и бедствия (2 Цар. 12, 7-14). Не только ближайшие потомки, но даже целый род может быть наказан за грех одного из его представителей.

Таким образом, понимание наград и наказаний в Ветхом Завете сводилось, главным образом, к благословениям в земной жизни и относилось больше к целому народу, чем к отдельной человеческой личности».[1]

Ярким подтверждением вышесказанного является содержание завета, заключенным Богом с потомком Ноя через Сима — ***Авраамом*** (XX-XIX вв. до Р.Х.), уроженцем *Ура Халдейского,* патриархом израильского народа. Бог пообещал ему неисчислимое потомство, то есть распространение его рода на земле в качестве награды за ту веру, которую он имел в своем сердце. Господь отблагодарил Авраама наследниками, ставшими основателями Богоизбранного израильского народа. Среди них его сыновья ***Исаак*** и ***Измаил***, внук ***Иаков (Израиль***), правнук ***Иуда***, по имени которого стали называть представителей одного из двенадцати колен Израилевых, далекий потомок царь ***Давид***.

[1] Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.

2. Христианская Церковь

2.1. Зачем человеку нужна Церковь?

Автор текста помнит, как он приходил к Богу. Это был целый период, в котором однажды был обнаружен крайне важный момент, – автор осознал, что он поверил в Бога, но, парадоксальным образом, его жизнь не изменилась. Так вот большая часть людей верит в Бога, но своей жизни не меняет. И только Церковь дает человеку опыт не головного христианства, а практического. Входя в Церковь, становясь ее членом, — а это происходит в Таинстве Крещения – и принимая и реализуя (по мере сил) ее опыт, человек действительно становится христианином. Он обретает возможность жить во Христе.

Главный вопрос, который задается сегодня современным человеком в отношении Церкви, – «зачем это все?», «зачем мне эти посредники?». Но проблема как раз заключается в том, что, как правило, люди, которые отвергают посредников, и остаются только «головными христианами». Интересно, почему Христос устроил спасение человека именно через других людей? Да потому, что Он хочет, чтобы мы спасались вместе. А мы этого не хотим. Сегодня внешние люди, приходящие на службу в храм, говорят, что им неприятно стоять и молится с другими людьми (со старушками). Когда человек отпадает от Бога, то он «отпадает» и от брата, он перестает осознавать глубинное духовное родство с другим человеком. А когда он обретает Бога, то он обретает и брата.

Люди боятся, что они «потеряют себя» в Церкви. Однако, на самом деле, при грамотном поведении, они, напротив, обретают себя. Чудо Церкви заключается в том, что встреча со Христом, которая происходит в ней, абсолютно индивидуальна. Никто не отнимает у Вас Вашу личность и тайну Вашего общения с Богом. Хотя молитва в храме происходит «на людях», тем не менее, эта молитва остается тайной, как и заповедал Христос. И никто не может заглянуть в эту тайну, по крайней мере, исчерпать ее. Можно сказать больше – эта молитва становится Вашей общей с другими людьми тайной.

Церковь необходима, потому что в этом мире есть «антицерковь», сегмент культуры, который доходит до радикального отрицания Бога, высших ценностей, образа Божия в

человеке. Массовая культура выступает, скорее, какой-то ширмой для этого сегмента. Но именно он, несмотря на его относительно небольшую величину, оказывается «тайной» сердцевиной современной культуры. Уже в этой жизни мы можем заглянуть в ад и заглянуть в рай.

Чтение «отцов» нигилизма (де Сад, Ф. Ницше), построение своего образа жизни в соответствии с их ценностями (даже бессознательное), общение с людьми, которые разделяют или склонны разделять те же ценности – это и есть «антицерковь», «совет нечестивых» (о котором говорится, что он погибнет). Это и есть «ад на земле», путь к аду, но путь, от которого мы еще можем отказаться. В этом пути поражает, прежде всего, его небытийность, часто осознаваемая самими идущими. В сущности, нигилизм – это просто паразитирование на религии. Нигилисты живут религией в том смысле, что их главная цель – отрицать религию. Нигилисты – глубоко несчастные люди; им очень тяжело жить. Образ, который дал Христос в своей притче о талантах, – а именно образ раба, зарывшего в землю один талант, – как нельзя лучше подходит к нигилистам. Они зарыли свой талант, не захотели понести ответственности трудной, но интересной духовной жизни, и все свои силы потратили на доказательство того, что они сделали правильно, а все остальные – нет, и что их Хозяин – человек жестокий.

Но в этой земной жизни есть и путь в рай – это Церковь. Если нигилизм «развивает» человека в «сторону ада», то Церковь – в противоположную сторону. Нигилистическая культура – опыт жизни без Бога и «против» Бога. Церковь – опыт жизни по Богу и в Боге.

Основной смысл Церкви – обожение, соединение со Христом посредством участия в Таинствах, в молитвенной жизни, поэтому Церковь называют Телом Христовым, «богочеловеческим организмом». Данный смысл осуществлялся в Церкви всегда, начиная с первохристианских времен. С тех пор Церковь внешне менялась, но нужно всегда помнить, в чем ее главное предназначение. Тогда нам будет легче перенести какие-то внешние недостатки чисто человеческой стороны жизни современной Церкви – и исправить их.

2.2. Таинства

Жизнь христианина начинается с Таинства Крещения. «Вторым Крещением» называют Таинство *Покаяния* (другое, более употребляемое сегодня название – исповедь). Его суть в том, что христианин открывает священнику свои грехи, таким образом, открывая их перед Самим Христом, выражает свое раскаяние в них, и получает от пресвитера разрешение этих грехов, разрешение, которое, по учению Церкви, дает Сам Бог. Однако нам нужно обратить внимание на то, что указанные действия – это уже результат некоей духовной работы человека. Некоторые православные неправильно воспринимают покаяние как формальность, ритуал, который нужно пройти для того, чтобы принять участие в другом Таинстве – Евхаристии. Между тем, покаяние нужно понимать шире, чем исповедь, – хотя она и должна быть его результатом. Покаяние – это, в переводе с греческого, «изменение сознания». И вот именно к этому и должен стремится христианин. Он должен как бы увидеть впервые свое сердце, исполненное страстей, осознать их наличие и начать борьбу с ними. Ему нужно взглянуть на свою душу с точки зрения вечности и увидеть все, что в нем есть страстно-временного, суетного, выбивающегося из этой перспективы вечности. Апостол Павел говорил, что грех – это все, что не от веры, веры в вечного Бога.

С нашей точки зрения, покаяние обретают далеко не все. Оно обретается тогда, когда человек понимает, что все люди – его братья и сестры. Человек как бы «сходит с ума», становится «юродом для мира», он отбрасывает всякое религиозное фарисейство, которое, по притче Христа, не знает покаяния. Такой христианин хочет плакать и жалеть каждого человека. Можете ли Вы принять, что, например, Гитлер – это Ваш брат?

Одним из центральных Таинств Церкви является **Евхаристия**, причащение, то есть, вкушение, Тела и Крови Христа под видом хлеба и вина. Сегодня, когда уже остались позади элементы профанации таинственной жизни Церкви в дореволюционный период (люди должны были приносить справки на работу о том, что они причастились) и обычай причащаться редко (4 раза в год, в конце каждого поста), Церковь переживает настоящий подъем евхаристической жизни, что отмечается всеми. «Кто жаждет, иди ко Мне и пей…» (Ев. Ин.,

VII, 37) - звучит призыв Христа, и люди живо откликаются на этот призыв. Кто жаждет Бога, Истины, истинной жизни. Это таинство (впрочем, как и все другие) еще раз подчеркивает сверхчеловеческую природу Церкви, а также то, что обожение – это «индивидуальный», личностный процесс. Да, для того чтобы причаститься христианин должен покаяться в грехах на исповеди священнику, но это «отрицательная работа», очищение души от грязи. Священник – это Ангел, поставленный с мечом у врат рая. Он поможет исповедующемуся осознать грехи, сложные пути страстей в его жизни и т.д. Но священник – так же как и епископ – не может заменить самой встречи человека со Христом, которая происходит в Евхаристии. Он только помогает подготовиться к этой встрече. Священник – это орудие в руках Божиих, но не Сам Бог. И только Бог как наш Творец знает нашу душу, ее грехи, немощи, нужду и Он отвечает на эту нужду тем, что дает нам Свое Бытие.

Причащаться нужно как можно чаще (как это и делали, кстати, первые христиане), потому что причастие – это абсолютный ответ на все наши скорби и нужды. Хорошо ли нам, или плохо, есть у нас время или нет, – надо причащаться. Воскресный день или праздник для мирянина – всегда «не во время», всегда кажется, что нужно сделать что-то «более важное» и т.д. Важно, все-таки, найти в себе силы и «вынырнуть» на мгновение всенощного бдения и литургии из житейского моря, чтобы глотнуть чистого воздуха, и потом – плавать дальше.

Также необходимо сказать несколько слов о *Таинстве брака*. Сегодня тема любви между мужчиной и женщиной приобретает совершенно особый смысл, во многом трагический. Выше уже писалось о том, что современные люди разделены. В сущности, то же можно сказать и о ветхозаветном человечестве. Евангельское отношение к человеку – для иудеев это было нечто принципиально новое. Считалось, что врагов нужно проклинать, а Христос как само собой разумеющееся призывает их благословлять, любить и говорит ученикам, что они не будут отличаться от язычников, если будут любить только тех, кто любит их. Христос принес на землю такую любовь, которую людям было очень трудно вместить. Собственно, из любви к нам Он и умирает на Кресте.

В этом контексте любовь между мужчиной и женщиной не отрицается, а одухотворяется, поднимается выше чисто природного уровня, хотя он и остается. И вот сегодняшнее общество терпит буквально катастрофу в сфере брака. Брак разрушается, дискредитируется, верность объявляется «устаревшей» и т.д. И дело не только в этой целенаправленной «антибрачной» пропаганде, а в целом в эгоистической установке современного человека, которому трудно уступить, пожертвовать, потому что его к этому не приучали. Его приучали только «бороться за существование» и вот он борется – со своей женой и детьми.

В этих условиях только Церковь дает возможность людям не просто вступить в брак, а сделать это глубоко осознанно (к сожалению, далеко не все венчающиеся пользуются этой возможностью). Главное – в Церкви происходит онтологическое соединение брачующихся – «двое одна плоть». Бог, Творец мира, соединяет их. В мире, раздирающимся от противоречий, появляется как бы «точка единства»[1] (правда, она появляется из Церкви, которая преодолевает разрыв между людьми, конечно, не только в браке и даже в первую очередь не в нем, а принципиально). Как показывает практика, мир, привыкший к разладам и разъединениям, прилагает все усилия, чтобы разорвать это единство. Но что Бог соединил, человек да не разлучает. Супруги предают свою любовь Христу и изъявляют готовность вместе следовать за Ним до конца – то есть до Голгофы, за которой следует Воскресение.

Один из важнейших смыслов брака – деторождение. Безусловно, деторождение – это выполнение заповеди о любви к ближнему, в данном случае, люди выступают как орудия для Бога в сотворении нового человека.

2.3. Молитва

Молитва, общественная и частная, есть важнейшая часть церковной жизни. В.В. Розанов (философ с противоречивой духовной судьбой) как-то сказал, что если человек не молится, то он – животное, а если молится, то – человек. И действительно, жизнь без молитвы, без обращения к Богу – это какая-то

[1] Об этом писал митр. Антоний Сурожский в книге «Таинство любви».

совершенно другая жизнь, лишенная чего-то самого главного. Немая жизнь, жизнь во сне. Духовная потребность человека – это не просто потребность в религии, а именно в богообщении. У человека есть потребность молиться. Вспомните «Мне хочется кому-нибудь молиться» Окуджавы. Автор из своей собственной жизни помнит, что он в детстве, будучи в Крыму, заплывал в море, лежал на воде и произносил одни и те же слова – странную абракадабру – и после этого чувствовал душевное облегчение. Другой человек в детстве молился Деду Морозу. В советские годы нас никто не мог научить молиться, но душа сама просила этого.

Молитва, общение с Богом – это основа духовной жизни православного христианина. Его день начинается с молитвы, – он как бы закладывает фундамент дня – и заканчивается ею, что особенно актуально, ведь неизвестно, проснется ли он живым на следующий день. Конечно, молитва продолжается и в течение всего дня по самым различным поводам – житейским и духовным. Впрочем, Христос заповедал искать, прежде всего, Царствия Божия и правды его, поэтому не прилично для христианина сводить все молитвы к материально-житейским темам. Телом пребывая на земле, духом мы должны жить на небесах.

Православная аскетика учит нас, что молитва должна быть ровной, ни в коем случае в ее ходе человек не должен «включать» воображение. Необходимое условие молитвы – насколько возможно полное отрешение от любых житейских, недуховных мыслей, от любых образов и т.д. Молитва – это не размышление (пусть даже благочестивое), а акт общения с Богом, Творцом мира.

Безусловно, молитва – важнейшее средство в борьбе со страстями. Как только человек чувствует приближение какой-то страсти, он должен немедленно начать взывать к Богу о помощи в прохождении этого искушения. А Христос сказал нам, что чего не попросите с верою, – будет вам. Поэтому человек «имеет право» просить Бога, чтобы Он сделал человека совершенным, как совершенен Отец наш небесный.

Молитва делает человека человеком. Молитвой строится вся его жизнь – семья, работа и даже отдых. Молитва возвращает человека к самому себе. В молитве человек осваивает свою душу,

ее способности, таланты, делает свою жизнь жертвой, благоугодной Богу.

3. «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь»

3.1. Почему земная история должна кончиться?

В этой главке пойдет речь о чрезвычайно распространенной сегодня теме, правда, вышедшей за рамки христианской традиции – о конце света, о конце истории. Почему христиане чают жизни будущего века? И как соотносится это чаяние с распространенными сегодня толками о конце истории?

«Конец истории?» – так называлась статья американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, вышедшая в 1989 г. В ней он писал, что с падением коммунизма у либеральной идеологии не осталось реальных противников. И это не просто конец определенного периода европейской истории. С его точки зрения, это конец мировой истории как таковой. Теперь либерализму остается только распространить свое влияние по всей планете и сделать его таким же стабильным, как и на Западе. Фукуяма пишет, что западные государства живут в «постистории».

Конечно же, философ выразил далеко не только свое мнение, но, фактически, мнение западного общества в целом. Даже не столько мнение, сколько самоощущение. Прогресс, о котором вдохновенно говорили классические мыслители, сегодня стал просто обыденной реальностью. Запад построил «земной рай» и, пусть на уровне сознания об этом не всегда заявляется четко, зато на уровне души в это верят почти все члены западного общества. Запад больше всего дорожит своей цивилизацией.

Чего же еще хотят христиане в этих условиях, когда современные стиральные машины выполняют все операции за максимально короткий период времени, а информация облетает планету за секунду, когда возможно прямое общение по Интернету между жителями Австралии и Франции и т.д.? В этих действительно небывалых условиях христиане хотят поразительной и иногда непонятной современному человеку вещи – они хотят жить.

Естественно, речь идет о духовной жизни. Запад стал антихристианским не только в том смысле, что он, например, бомбит православную Югославию или отказывается упоминать о христианстве в преамбуле к конституции ЕС (хотя и в этом тоже), но и в том, что сегодня он предлагает наиболее комфортный вариант земной жизни, чем какая-либо цивилизация в мировой истории. Конечно, искушение ценностями земной жизни имело место всегда – но, видимо, оно никогда не было таким всеобъемлющим, универсальным, охватывающим всю цивилизацию. Впрочем, это не означает, что человек не может справиться с этими искушениями, даже живя в самом ее сердце.

Христиане даже сегодня, когда земная жизнь представлена столь комфортно, чают жизни будущего века. Это значит, что они по-прежнему, как и в первые века христианства, не считают земную жизнь полнотой жизни, полнотой бытия, что, конечно же, отнюдь не означает, что христианство выступает за самовольный уход из жизни – наоборот, это считается смертным грехом.

В чем проявляется эта неполнота? Если говорить в целом, - во зле, в том, что здесь зло и добро сосуществуют. Сколько бы цивилизация ни усовершенствовала материальные условия жизни человека, его дух от этого лучше не станет. А многие считают, что, наоборот, изнеженный цивилизацией, он станет даже хуже. На вершине технологического прогресса мы видим человека, который по своему душевному состоянию часто не отличается от диких кочевых орд дохристианских времен, только вместо колесницы у него – оружие массового поражения. Итак, зло, небытийность внутри человека.

Далее. Неполнота проявляется и в телесной жизни – это болезни, а главное – смерть. Выше говорилось, что христиане считают главным злом внутреннее, а не внешнее. Однако это не значит, что они видят в болезни и смерти добро. С точки зрения христианского учения, полноценная человеческая личность – это душа вместе с телом, а не душа без тела. И, естественно, для этого тела не должны быть характерны болезнь и смерть. И болезнь, и смерть, в целом зло в видимом мире есть следствие грехопадения человека, отпадения от Бога Адама и Евы. Поэтому чаяние жизни будущего века – это чаяние возвращения всего мира – за исключением падших духов и осужденных грешников, – к Богу, к жизни в Боге.

Интересно, что современное западное общество тоже пытается по-своему «преодолеть» и болезнь, и смерть. Один из элементов его идеологии – здоровый образ жизни. Это попытка как бы вырваться из тисков старения, деградации тела. Попытка, конечно же, искусственная. То же самое и в отношении смерти – это знаменитое зловещее клонирование, уже объявленное и католической, и православной Церквями как безбожное дело. Земной человек пытается решить проблемы зла в мире своими скудными средствами и ничего, кроме уродства, у него не выйдет.

Мир стал «во зле лежащим» из-за грехопадения, то есть причина зла в мире связана с отношениями между человеком и Богом, и именно в этой сфере возможно и восстановление мира в Божественной Жизни, творение «новой земли и нового неба».

3.2. Что такое жизнь будущего века?

Жизнь будущего века – это не коммунизм. Сегодня во многих недалеких учебниках, например, по философии истории, как-то запросто «научно» утверждается, что такие «общественные» цели, как Царство Божие, коммунизм (!) и торжество белой расы (!!! имеется в виду идеологическая цель, декларировавшаяся национал-социалистами), чуть ли не равноценны. И хотя между тоталитарными и традиционными обществами можно найти некоторые общие социальные черты (коллективизм, авторитарность и т.д.), это совсем не одно и то же, что сказать, что указанные цели равноценны. Именно по этой причине и нацизм, и коммунизм – это очень быстротечные моменты в развитии общества, православие же было вдохновляющей силой всего русского общества 10 веков, а для многих в России оно и сегодня остается таковой.

Коммунизм – это политическая утопия, материалистический идеал. Вспомним, что, по Марксу, сначала удовлетворяются материальные потребности человека и уже потом – духовные (в принципе, западное общество в своей массе так и думает).

Конечный идеал христианства – иной. Он глубже, он духовен, именно поэтому он и не является случайным в истории, как коммунизм (не говоря уже о нацизме). Жизнь будущего века – это одновременно и пророчество о том, что будет происходить

за пределами истории, и призыв к человеку осуществлять этот идеал уже «здесь и сейчас».

По православному учению, история закончится Вторым Пришествием Иисуса Христа, в котором Он явится уже во славе и величии, а не в «образе раба». Второе Пришествие – это жатва проповеди Христа, конец времени выбора каждого человека между истиной, которую принес Христос, и ложью мира сего. По Пришествии произойдет воскресение из мертвых, причем одни будут воскрешены в «воскресение жизни», а другие – в «воскресение осуждения». Затем начнется Страшный Суд, на котором козлы (осужденные грешники) будут отделены от овец (праведников).

После этого и наступает жизнь будущего века – обожение всей твари, Царство Божие в силе и славе, жизнь, в которой уже не будет времени, смерти, тления, всякого зла. Вот как ее описывает современный православный богослов епископ Илларион (Алфеев): «после всеобщего воскресения Христос наполнит Собою всякую человеческую душу и все творение, и уже ничего не останется вне Христа, но все преобразится и просияет, изменится и переплавится» (Игумен Илларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. – Клин: «Христианская жизнь», 2000 – 301 с. С. 278).

Возможно, современному человеку все эти слова о конце света и будущей жизни покажутся устаревшими, слова же о Страшном Суде – даже жестокими. Однако эти слова – от Самого Христа (в том числе и о Страшном Суде), а Он сказал: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут». Так можем ли мы проигнорировать Его слова?

Что же касается Страшного Суда, то это не «жестокость», а… уважение к свободе человека. Рай – это, опять-таки, не коммунизм, который, по учению Маркса, должен был наступить необходимо. Царство Божие тоже наступит, – потому что неложны обетования Божии – но в него войдут те, кто принял в свое сердце весть об этом Царстве, кто чает его, а не те, кто выбрал как принцип своей жизни другое царство – царство земное.

Все, о чем здесь идет речь, есть великая тайна, которая хранится Церковью неприкосновенно. К сожалению, эти

выражения – «Второе Пришествие», «Страшный Суд», «Царство Божие», «Рай» – уже слишком затерлись, они употребляются даже вне христианской традиции. В то время как они далеко не исчерпывают, а лишь указывают на определенные духовные реалии.

Для христианина очевидно, что этот падший мир должен кончится и что та встреча, которая произошла в его личной жизни со Христом, должна стать вселенским, космическим событием. Ибо мир, в котором добро и зло сосуществуют, не может существовать всегда.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основная

1. Алипий (Кастальский - Бороздин), архим., Исайя (Белов), архим. Догматическое богословие. Курс лекций для студентов 2 и 3 курсов Московской Духовной Семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. – 288 с.
2. Воронов Ливерий, прот. Догматическое богословие. Курс лекций для студентов 3 и 4 курсов Санкт-Петербургской Духовной Академии. – СПб., 1994. – 128 с.
3. Давыденков Олег, свящ. Догматическое богословие. Курс лекций, ч. I, II, III. – Москва: ПСТБИ, 1997. (Это пособие нужно использовать в первую очередь, оно является обязательным).
4. Давыденков Олег, свящ. Катехизис. Курс лекций. – Москва: ПСТБИ, 1998. (В этом пособии разбирается кратко раздел «Понятие о таинствах», который почти полностью отсутствует в предыдущем).
5. Догматическое богословие. Конспект лекций. – Коломна: Издание Свято-Троицкого Ново - Голутвина монастыря, 1993. – 400 с.
6. Догматическое богословие. Курс лекций для 2 класса МДС. Под ред. М.В.Бахтина. – М.: Московский гуманитарный институт повышения квалификации и переподготовки кадров, 2004. – 100 с.
7. Жив Бог. Православный катехизис. – Лондон, 1989.
8. Зубов А.Б. История религий (ранний, средний и верхний палеолит). – М., 1995.
9. Зубов А.Б. История религий. Кн. 1. Доисторические и внеисторические религии. – М., 1997.
10. Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2003. – 384 с.
11. Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. – М., 1997.
12. Левшенко Борис, иерей. Катехизис: курс лекций. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2000 (в этом пособии кратко излагается вопрос о действительности и действенности таинств).
13. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М.: Интербук, 1991. – 300 с.

14. Лосский В.Н., Петр (Л'юилье), епископ. Толкование на Символ веры. – Киев, 2000.
15. Макарий (Булгаков), митр. Православно - догмагическое богословие (в 2-х томах). Репринт: СПб. — Коломна: Свято - Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993
16. Малиновский Н., прот. Православное догматическое богословие. Очерк православного догматического богословия. – М., 2000.
17. Михаил (Мудьюгин), архиеп. Курс основного богословия. – М., 2000
18. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. Основное богословие. 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002 – 430 с., 2002.
19. Половинкин А. И. Пробуждение России: преодоление барьера неверия и маловерия. - Волгоград: Издатель, 2000. - 232 с.
20. Помазанский Михаил, прот. Православное догматическое богословие – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. – 352 с. 1993.
21. Светлов Эммануил (Мень Александр, прот.). Истоки религии. – Брюссель, 1970 (или московское переиздание 1991 – 1993 гг.)
22. Хопко Фома, прот. Основы Православия. Пер с англ. – Минск, 1991 (репринт издания: Нью- Йорк, 1989).
23. Христос Яннарас. Вера Церкви. – М., 1992.
24. Филарет (Дроздов), митр. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Церкви. – Белосток, 1990 – Коломна: Свято - Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993.
25. Щипков Александр. Во что верит Россия. Курс лекций. – СПб., 1998.

Дополнительная

26. Александр (Семенов-Тян-Шанский), епископ. Православный катехизис. – М., 1990.
27. Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. – М., 1998.
28. Антес Петер. Религии современности: История и вера. – М., 2001.

29. Барбур И. Религия и наука: история и современность. – М., 2000.
30. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. – М., 1997.
31. Бросс Жак. Духовные учителя. – СПб., 1997.
32. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви.– М.: Мартис, 2000. Т. 2, 4.
33. Булгаков Сергей, протоиерей. Православие. Очерки учения Православной Церкви. – М., 1991.
34. Буткевич Т.И. О смысле и значении кровавых жертвоприношений в дохристианском мире и о так называемых «ритуальных убийствах» // Кровь в верованиях и суевериях человечества. – СПб., 1995.
35. Бюркле Хорст. Человек в поисках Бога: Проблема нехристианских религий. – М., 2001.
36. Василий (Родзянко), еп. Теория распада вселенной и вера отцов. Каппадокийское богословие - ключ к апологетике нашего времени (Апологетика XXI века). – М.: Православный паломник – Грааль, 1996. – 238 с.
37. Вандерхилл Элизабет. Мистики XX века: Энциклопедия. – М., 1997.
38. Васильев Л.С. История религий Востока. – М., 1998 (или любое последующее издание).
39. Великие мыслители Востока / Под ред. проф. Яна П. Мак-Грила. – М., 1998.
40. Восточная демонология. От народных верований к литературе. – М., 1998.
41. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. / Вступ. стат., сост. и коммент. В.В.Сапова. – М.: Республика, 1994. – 368 с. (Библиотека этической мысли).
42. Гаврилов М.Н. Туринская плащаница. Описание и научное объяснение. – Тула, 1992.
43. Давыденков О, свящ. Традиционная христология нехалкидонитов. – М.: ПСТБИ, 1998.
44. Догматические послания православных иерархов XVII - XIX веков о православной вере. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.
45. Доусон К.Г. Религия и культура. – СПб., 2000.
46. Еремеев А.Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура. В 2 ч. – Саранск, 1997. Ч. 2.

47. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. – М.: Канон+, 1997. – 560 с. (История христианской мысли в памятниках).
48. Иванов Н., прот. И сказал Бог… Библейская онтология и антропология. – М., 2001. – 350 с.
49. Иисус Христос в документах истории. Составление, статья и комментарии Б.Г.Деревенского. Изд. 4-е, исправленное и дополненное – СПб.: Алетейя, 2001. – 574 с. (Античное христианство. Источники).
50. Илларион (Алфеев), игумен. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. – Клин: Христианская жизнь, 2000.
51. Илларион (Троицкий), архиепископ. Христианства нет без Церкви. – М., 1991.
52. Иллюстрированная история религий. В двух томах / Под ред. проф. Д.П.Шантепи де ля Соссей. – М., 1992.
53. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Т. I – II. – М., 1993.
54. История религии / А. Ельчанинов, В. Эрн, П. Флоренский, С. Булгаков. – М., 1991.
55. История религии: Учебное пособие. – СПб., 1997.
56. История религий в России: Учебник / Под общ. ред. Н.А. Трофимчука. – М., 2001.
57. История религий. В 2 т. / Под общ. ред. И.Н. Яблокова. – М., 2002.
58. Каледа Г., прот. Плащаница Господа нашего Иисуса Христа. – М., 2000.
59. Каневский Л. Каннибализм. – М., 1998.
60. Кимелев Ю.А. Философия религии: Систематический очерк. – М., 1998.
61. Святитель Кирилл Иерусалимский, архиепископ. Поучения огласительные и тайноводственные. – М.,1991.
62. Краткий путеводитель по мировым религиям / Под общ. ред. Дина Халверзона. – СПб., 2000.
63. Кудрявцев-Платонов В.Д. О доказательствах бытия Бога.
64. Кулаков А.Е. Религии мира: Пособие для учащихся. – М., 1997.
65. Кураев А., диакон. Традиция, догмат, обряд. – М., 2000.
66. Лосский В.Н. Богословие и боговидение. – М, 2000.
67. Лосский В.Н. По образу и подобию. – М., 1995.

68. Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели: Пересказанный миф // Иностранная литература. 1997. № 1.
69. Ляшевский С., прот. Библия и наука о сотворении мира. – М., 1996. – 280 с.
70. Мак-Дауэлл Джош. Неоспоримые свидетельства. Исторические свидетельства, факты, документы христианства. Пер. с англ. Бахыт Кенжеев. – М.: СП «Совaминко», 1992. – 320 с.
71. Малерб Мишель. Религии человечества. – М., СПб., 1997.
72. Малиновский Бронислав. Магия, наука, религия. – М., 1998.
73. Махнач В.Л. Очерки православной традиции. – М., 2000.
74. Мелетинский Е.М. Избранные статьи и воспоминания. – М., 1998.
75. Мень Александр, прот. История религии. В двух томах. – М., 1992.
76. Мейендорф Иоанн, прот. Иисус Христос в восточном православном богословии. – М., ПСТБИ, 2000.
77. Меперт Н. Очерки археологии библейских стран. – М., 2000.
78. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.
79. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М., 1998.
80. Мифологии древнего мира. – М., 1977.
81. Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. – М., 1997.
82. Наглядно о религиях / Сост. Р. Грей, Д. Хэнлон. – Минск, 2000.
83. Народы и религии мира: Энциклопедия. – М., 1999.
84. Настольная книга атеиста. Изд. 8-е, испр. и доп. – М., 1985.
85. Новелли Дж. Туринская плащаница: вопрос остается открытым. – М., 2000.
86. Огицкий Д. Максим Козлов, священник. Православие и западное христианство. – М.: Московская Духовная Академия, Издательство «Отчий дом»,1999. – 176 с.
87. Окот п’Битек. Африканские традиционные религии. – М., 1979.
88. Откровение Черного Лося. – М. 1997.
89. Поликарпов В.С. История религий. Лекции и хрестоматия. – М., 1997.
90. Полкинхорн Дж. Вера глазами физика: Богословские заметки мыслителя «снизу-вверх». – М., 2000.

91. Религии Древнего Востока. – М., 1995.
92. Религии народов современной России: Словарь/ Ред-кол.: Мчедлов М.П. (отв. ред.) и др. – М., 1999.
93. Религия: История и современность / Под ред. Ш.М. Мунчаева. – М., 1998.
94. Религиозные традиции мира. В 2 т. / Пер. с английского. – М., 1996.
95. Религиоведение: Учебное пособие / Под ред. проф. И.Н. Яблокова. – М., 1997.
96. Религиоведение. Хрестоматия / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М., 2000.
97. Рождественский Н.П. Христианская апологетика. Курс основного богословия. – СПб., 1884.
98. Светлов П.Я., проф. Курс апологетического богословия. – Киев, 1905.
99. Светлов П.Я., прот. Одигетика. Руководитель в занятиях апологетикой. – Киев, 1910.
100. Сильвестр (Малеванский), епископ. Опыт православно-догматического богословия. – М., 2000.
101. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). – М., 1991.
102. Суинберн Ричард. Есть ли Бог? – М., 2001.
103. Сысоев Д., диак. Летопись начала (теория эволюции).
104. Тайна Библии. Сост. свящ. В. Синельников. – М., 2000.
105. Тайнов Э.А. Трансцендентальное. Православная метафизика. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мартис-Пресс, 2002. – 216 с.
106. Той повеле, и создашася. Современные ученые о сотворении мира. – Клин: Христианская жизнь, 1999. – 192 с.
107. Токарев С.А. Религии в истории народов мира. Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 1976.
108. Томпсон М. Восточная философия. – М., 2000.
109. Томпсон М. Философия религии. – М., 2001.
110. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб., 1998.
111. Тростников В. Мысли перед рассветом. – Париж, 1980.
112. Трубецкой С. Н. Смысл жизни.
113. Хомяков А.С. Церковь одна. – М.: ПСТБИ, 2001. – 254 с.
114. Феофан Затворник, свт. Душа и ангел - не тело, а дух. – М., 1999.

115. Филарет (Гумилевский), ахиеп. Православное догматическое богословие. – М., 2000.
116. Фиолетов Н.Н., проф. Очерки христианской апологетики. – Клин, 2000.
117. Философско-религиозные истоки науки: Сб. статей. Под ред П.П.Гайденко. – М., 2000.
118. Флоровский Г.В. Восточные Отцы IV века. – М., 1992.
119. Флоровский Г.В. Восточные (византийские) Отцы V - VIII веков. – М., 1992.
120. Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи. – М., 2000.
121. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992.
122. Франк С.Л. К истории онтологического доказательства // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб., 1995.
123. Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. – Париж, 1972.
124. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М., 1986.
125. Хаммэль Ч. Дело Галилея. Есть ли точки соприкосновения науки и богословия. – М., 1998.
126. Хобринк Бен. Эволюция: яйцо без курицы. – М., 1993.
127. Хрисанф (Ретвцев), архим. Религии древнего мира в их отношении к христианству. – СПб., 1875.
128. Честертон Г.К. Вечный человек. – М., 1991.
129. Шестоднев против эволюции. В защиту святоотеческого учения о творении. Под ред. диакона Даниила Сысоева. – М., 2000.
130. Шмеман Александр, прот. Воскресные беседы. – М, 1993.
131. Шохин В. К. Пауль Хакер и святоотеческая трактовка нехристианской мысли // Альфа и Омега. М., 1999. № 1(19).
132. Шпажников Г.А. Религии стран Юго-Восточной Азии. Справочник. – М., 1980.
133. Элиаде Мирча, Кулиано Ион. Словарь религий, обрядов и верований. – М., СПб., 1997.
134. Элиаде Мирча. Азиатская алхимия. Сборник эссе. – М., 1998.
135. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. В 3-х тт. – М., 2001 – 2003.
136. Элиаде Мирча. Миф о вечном возвращении. – СПб., 1998.
137. Элиаде Мирча. Священные тексты народов мира. – М., 1998.
138. Энциклопедия для детей. Т.6, ч.1,2. Религии мира. – М., 1996.
139. Яблоков И.Н. Религиоведение: Учебное пособие. – М., 1998.

140.Яки С. Спаситель науки.

Московский институт духовной культуры

(свидетельство о государственной регистрации № 1047796060510 от 4 февраля 2004 года)

По благословению Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II межрегиональная организация «Ревнители просвещения» с 1999 года и Московский гуманитарный институт повышения квалификации и переподготовки кадров осуществляют просветительскую деятельность в области изучения культурно-исторических основ православия и других мировых религий.

Миссия института – **изучение и распространение отечественной духовной культуры и патриотическое воспитание молодежи.**

Лекторы **– преподаватели Московского педагогического государственного университета, Московской духовной академии, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.**

Дисциплины: *история архаических и нехристианских религий, история древней христианской Церкви, история Русской Православной Церкви, религиозная философия, наука и религия, догматическое и сравнительное богословие, библеистика, христианская антропология, государственное законодательство о религии, теория и история церковного искусства, древние языки и многие другие.*

Работает библиотека; предоставляются учебно-методические материалы (программа, электронные курсы лекций, аудио и видео-пособия, всевозможная печатная продукция). Организуются симпозиумы, круглые столы по актуальным темам, встречи с философами, богословами, учеными, паломнические поездки. Приглашаются все желающие.

Ведется подготовка к поступлению в духовную семинарию.

Дополнительную информацию об Институте Вы можете получить на сайте:

http://www.mhti.ru

или по телефонам: 8-901-539-30-90; 8-906-087-95-39

В 2004 -2005 годах

в Московском институте духовной культуры
вышли в свет следующие издания:

Бахтин М.В. В поисках счастья:
религиозно-этические учения древности

Бахтин М.В. Счастье и блаженство в свете христианской антропологии

Догматическое богословие. Под ред. М.В. Бахтина

Бахтин М.В. Модели истории: социально-антропологический анализ

В 2006 году
готовятся к изданию:

Бахтин М.В. Богословское осмысление истории

Бахтинология. Том III. Сборник научных трудов,
посвященных 110-летию со дня рождения М.М. Бахтина

Протоиерей Серафим Соколов. История Христианской Церкви

История Русской Православной Церкви.
Под ред. проф. К.Е. Скурата и М.В. Бахтина

Архимандрит Платон (Игумнов). Нравственное богословие

Бахтин Максим Вячеславович

Клевцов Павел Борисович

Введение в православное богословие

Учебное пособие

Подписано в печать 31. 05. 2006 г. Формат 60 х 84/16. Бумага офсетная 65 г/см. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 6,5. Тираж 1000 экз.

Издательство Московского института духовной культуры

Бахтин Максим Вячеславович

кандидат философских наук
декан факультета духовной культуры Московского гуманитарного института
повышения квалификации и переподготовки кадров.
доцент кафедры социальной антропологии Российского государственного социального университета.

М.В. Бахтин родился в 1974 году в г. Пензе.
Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского (1996 г.), аспирантуру кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) (2001 г.), Московскую духовную семинарию (2005 г.)
С 1996 г. преподает историю философии, философскую антропологию, социальную антропологию, этику, религиоведение, историю русской религиозной философии.

Клевцов Павел Борисович
кандидат философских наук

Клевцов П.Б. родился в 1976 г. в Санкт-Петербурге

В 1998 г. окончил исторический факультет, а в 2002 г. – аспирантуру кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

С 2002 года преподает философию в Санкт-Петербургском государственном университете культуры